

**НОВОСИБИРСКИЙ ВОЕННЫЙ ОРДЕНА ЖУКОВА ИНСТИТУТ
ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ И.К. ЯКОВЛЕВА
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

№ 2 (7)

**СИБИРСКИЙ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ**

**НОВОСИБИРСК
2025**

УДК
ББК
С34

С34 Сибирский социально-гуманитарный журнал: научный журнал. – Новосибирск: Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – № 2 (7). – 79 с.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«Сибирский социально-гуманитарный журнал»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР	
Косухин Валерий Викторович	кандидат педагогических наук, доцент
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	
Тухватуллин Булат Талирович	доктор педагогических наук, доцент
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ	
Колухамбеков Алексей Садович	
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ	
Психологические науки	
Биденко Роман Александрович	кандидат психологических наук
Кононова Татьяна Александровна	кандидат психологических наук, доцент
Луняка Анатолий Николаевич	кандидат психологических наук
Оспенников Сергей Валентинович	кандидат психологических наук, доцент
Суховецкая Елена Юрьевна	кандидат педагогических наук, доцент
Филологические науки	
Берзина Галина Петровна	доктор филологических наук, доцент
Влавацкая Марина Витальевна	доктор филологических наук, профессор
Гричин Сергей Владимирович	доктор филологических наук, доцент
Кучина Светлана Анатольевна	доктор филологических наук, доцент
Власова Елена Ивановна	кандидат филологических наук, доцент
Глибина Анна Алексеевна	кандидат филологических наук, доцент
Онал Инна Олеговна	кандидат филологических наук
Ульянова Ульяна Александровна	кандидат филологических наук
Чистюхина Евгения Александровна	кандидат филологических наук, доцент
Философские науки	
Макулин Артем Владимирович	доктор философских наук, доцент
Новиков Николай Сергеевич	кандидат философских наук
Полич Виктор Валентинович	кандидат философских наук
Штоппель Андрей Александрович	кандидат философских наук

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Горшенина Н.В., Гаврилова И.В.	ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У СТУДЕН- ТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ5
Перевозкин С.Б., Перевозкина Ю.М.	ПРИМЕНЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ ДЛЯ ОБРАБОТКИ И АНАЛИЗА ДАННЫХ В ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....12
Соловьева О.В.	АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖ- ДЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ – УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ.....20
Чудаков А.Ю., Утюганов А.А., Бондаренко С.А.	ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БОЕВОЙ ПОДГОТОВ- КИ БОЙЦОВ РОСГВАРДИИ В ЦЕЛЯХ ВЫЯВЛЕНИЯ ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ.....29

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Власова Е.И.	ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА НЕМЕЦКУЮ ВОЕННУЮ ТЕРМИНОЛОГИЮ.....40
Ульянова У.А., Ульянова Н.Н.	ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В АНГЛО- И НЕМЕЦКО- ЯЗЫЧНОМ МИЛИТАРНО-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ49
Чистюхина Е.А., Постоеенко Е.В.	РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА.....61

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Прилукова Е.Г., Кадырова Ш.Т.	РЕГИОНАЛЬНЫЕ «ИГРОКИ» ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ71
----------------------------------	--

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 159.942

EDN: <https://elibrary.ru/AGMANL>

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА
У СТУДЕНТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

Горшенина Надежда Викторовна¹

Гаврилова Ирина Витальевна²

^{1,2} Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

¹gorshenina83@mail.ru, ²gavrilova.gra@yandex.ru

Аннотация. В статье обобщены теоретические аспекты современных исследований российских ученых в области изучения эмоционального интеллекта как одного из важных компонентов мягких навыков «soft skills» и выявлено значение эмоционального интеллекта в деятельности помогающих профессий в современных реалиях.

В работе представлен сравнительный анализ развития эмоционального интеллекта у студентов – будущих психологов и будущих педагогов. В результате исследования были выявлены и описаны статистически значимые различия между выраженностью эмоционального интеллекта у будущих представителей разных помогающих профессий.

Опираясь на полученные результаты исследования, были выявлены статистически значимые различия в способностях студентов к пониманию эмоций других людей и умении ими управлять, а также выражены различия в способности к пониманию своих и чужих эмоций, что больше всего выражено у будущих психологов.

В исследовании предложены перспективы исследования по развитию эмоционального интеллекта с целью формирования этого важного мягкого навыка в профессиональной деятельности педагога и психолога.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, студенты, помогающие профессии, мягкие навыки, профессиональная деятельность.

Для цитирования: Горшенина Н.В., Гаврилова И.В. Исследование эмоционального интеллекта у студентов помогающих профессий // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 2 (7). С. 5-11.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

STUDY OF EMOTIONAL INTELLIGENCE IN STUDENTS ASSISTING PROFESSIONS

Nadezhda V. Gorshenina¹, Irina V. Gavrilova²

^{1,2} Chuvash state university named after I.N. Ulyanova», Cheboksary, Russia

¹gorshenina83@mail.ru, ²gavrilova.gra@yandex.ru

Abstract. The article summarizes theoretical aspects of modern research of Russian scientists in the field of study of emotional intelligence as one of the important components of soft skills «soft skills» and the significance of emotional intelligence in the activities of assisting professions in modern realities was identified.

The paper presents a comparative analysis of the development of emotional intelligence in students – future psychologists and future teachers. As a result of the study, statistically significant differences between the expression of emotional intelligence in future representatives of different assisting professions were identified and described.

Based on the results of the study, statistically significant differences in students' abilities to understand other people's emotions and ability to manage them were identified. And also expressed differences in the ability to understand their own and other emotions. Which is most expressed by future psychologists.

The study proposes perspectives of research on the development of emotional intelligence in order to form this important soft skill in the professional activity of teacher and psychologist.

Keywords: emotional intelligence, students, helping professions, soft skills, professional activity.

For citation: Gorshenina N.V., Gavrilova I.V. Study of emotional intelligence in students assisting professions // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 2 (7). P. 5-11.

Введение

В современной действительности вопросам изучения эмоционального интеллекта уделяется пристальное внимание. Интерес к данной тематике может быть детерминирован важностью данного интегративного образования личности, которое способствует осознанию, пониманию и саморегуляции эмоций личности, что способно оказывать влияние на успешную коммуникацию и увеличивать эффективность взаимодействия с другими людьми, что сегодня является важным навыком в любой профессиональной деятельности, особенно в профессии психолога и педагога, которые относятся к помогающим профессиям. Следует отметить, что в рамках данного исследования речь пойдет о психологических особенностях студентов помогающих профессий, где будут рассматриваться особенности эмоционального интеллекта (ЭИ) у будущих педагогов и психологов.

В вопросах изучения эмоционального интеллекта среди современных исследований можно выделить таких авторов, как Т.В. Манянина [1], И.Н. Мещерякова [2], И.А. Бредникова [3] и др.

Важно констатировать, что в современных реалиях среди необходимых компетенций помогающих профессий принято выделять так называемые мягкие навыки (soft skills). Они включают, в том числе, эмоциональный интеллект, под которым трактует-

ся умение личности контролировать свои эмоции и распознавать чувства и эмоции других личностей, а также умение грамотно и взвешенно действовать в напряженных нестандартных ситуациях.

Как определяет В.А. Коленова [4], эмоциональный интеллект представляет собой навык soft skills и определяет успешность в карьере.

Т.В. Манянина [1] эмоциональный интеллект определяет как важный ведущий компонент в структуре психологической культуры личности, который может проявляться в разных видах деятельности, опосредуя эмоциональное отношение личности к деятельности, которую она выполняет. В процессе исследования Т.В. Маняниной [1] были обоснованы функции эмоционального интеллекта, к которым автор относит:

- оценочно-прогностическую;
- эмоционально-коммуникативную;
- регулятивную;
- мотивирующую;
- рефлексивно-коррекционную.

И.Н. Мещерякова [2] трактует эмоциональный интеллект как сложное интегративное образование, которое представляет собой определенную структуру следующих компонентов:

- поведенческий, который определяется способностями личности управлять своей эмоциональной сферой, способностью к проявлению психологической гибкости в отно-

шениях, а также способностью продуктивно взаимодействовать с другими личностями;

- когнитивный, включающий осведомленность личности об эмоциональных качествах, а также адекватную самооценку, рефлексию и эмоциональное самосознание;

- собственно эмоциональный компонент, куда относится эмпатия, так называемая «полезная» тревожность и мотивация успеха.

В свою очередь, вышеуказанные структурные компоненты эмоционального интеллекта позволяют личности понимать, осознавать и регулировать как свои эмоции, так и эмоции окружающих личностей, что будет влиять на успешность установления межличностных отношений и способствовать развитию личности.

В рамках изучения эмоционального интеллекта (ЭИ) у субъектов образовательной деятельности вуза, а именно у студентов, было проведено исследование И.А. Бредниковой [3]. Она раскрыла особенности взаимосвязи внутриличностного эмоционального интеллекта с психологическим благополучием студентов. В результате исследований автором были выявлены взаимосвязи между ЭИ и психологическим благополучием студентов. Также определены способности ЭИ, которые взаимосвязаны с такими показателями, как:

- позитивные отношения с окружающими;
- управление средой;
- самопринятие.

В исследовании М.И. Ефановой, Е.С. Вигандт [5] изучались особенности эмоционального интеллекта у студентов, в результате которого было определено, что понимание эмоций и управление своими и чужими эмоциями способны влиять на психосоциальное благополучие субъектов образовательной деятельности. В результате авторы предлагают развивать ЭИ у студентов с целью развития психосоциального благополучия личности, развивая у них коммуникативные способности, умение понимать эмоциональные состояния других людей, использовать техники саморегуляции и фор-

мировать умение работать со своими негативными эмоциями, используя, в том числе, невербальную коммуникацию.

В исследованиях А.П. Лобанова, Н.В. Дроздовой, С.И. Коптевой [6] расширены представления о природе и структурных компонентах ЭИ у студентов помогающих профессий. Авторы установили обратную взаимосвязь между общим показателем ЭИ и общей усталостью, определяя, что субъекты вузов – студенты помогающих профессий – при низких показателях ЭИ склонны иметь высокие показатели эмоциональной, экзистенциальной и ментальной усталости, а также склонны к проявлению усталости от принятия решений.

Таким образом, следует констатировать, что исследования в области ЭИ у студентов помогающих профессий в современных реалиях остаются актуальными и продолжают вызывать интерес у современных исследователей.

Цель нашей работы – исследование эмоционального интеллекта и выявление различий у студентов помогающих профессий на примере студентов – будущих психологов и будущих педагогов.

Объектом исследования выступают студенты – будущие психологи и будущие педагоги.

Предметом исследования являются особенности формирования ЭИ у субъектов образовательной деятельности вуза помогающих профессий.

В процессе исследования приняло участие 100 респондентов. Из них – 50 будущих психологов ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» города Чебоксары и 50 студентов – будущих педагогов ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева».

Материалы и методы

Для достижения цели исследования был подобран следующий психологический инструментарий:

- методика эмоционального интеллекта Д.В. Люсина [7];

- методика эмоционального интеллекта М.А. Манойловой [8];

- тест эмоционального интеллекта Н. Шутте в адаптации Ю.А. Варицкого [9].

Методика Д.В. Люсина основана на том, что под ЭИ автор понимает способность личности к пониманию своих эмоций, а также интерпретацию эмоций чужих людей и способность личности управлять ими. В целом методика Д.В. Люсина определяет проявления межличностного и внутриличностного ЭИ.

Под способностями личности понимать эмоциональные проявления Д.В. Люсин выделяет такие особенности, как:

- умение личности распознать эмоцию, что проявляется в возможности установить наличие эмоциональных переживаний как у самого себя, так и у других людей;

- умение различать эмоцию, что означает умение установить, какую эмоцию в данный момент времени испытывает сама личность или другой человек, а также умение выразить это словом;

- умение личности детерминировать проявление эмоций.

Методика М.А. Манойловой определяет интегральный показатель ЭИ, а также отражает следующие шкалы: осознание чувств личности, управление чувствами, осознание чувств других и выраженность способности управлять чувствами других личностей.

Следует констатировать, что тест ЭИ Н. Шутте основан на 4-компонентной модели ЭИ Майера-Саловея [10], в которой эмоциональный интеллект рассматривается как определенная способность и умение личности отслеживать свои и чужие эмоциональные проявления, а также проявляется в способности различать эти эмоции и уметь их использовать в своей деятельности.

Результаты исследования

В результате анализа среди будущих психологов было обнаружено, что уровень межличностного эмоционального интеллекта в группе одинаково выражен: высокий и средний ЭИ составил по 40 %. Низкий уро-

вень межличностного интеллекта продемонстрировали 20 %. Это может означать, что у будущих психологов проявляется способность к умению интерпретировать и осуществлять процесс управления чужими эмоциями.

Менее выраженными у будущих психологов оказались показатели внутриличностного эмоционального интеллекта (ВЭИ), где в доминанте проявился низкий уровень, который выкристаллизовывается у половины респондентов. Средний уровень ВЭИ у студентов психологической направленности выражен у 28 %, высокий – всего лишь у 22 %. Таким образом, следует констатировать, что в группе студентов – будущих психологов недостаточно выражена способность к пониманию своих эмоциональных проявлений и не в достаточной степени проявляется умение управлять своими эмоциями (что в профессии психолога является очень важной составляющей). Следовательно, необходимо создать условия для активного развития внутриличностного эмоционального интеллекта у будущих психологов.

В целом способность к управлению эмоциями проявилась у будущих психологов в доминанте среднего уровня, что продемонстрировали 40 %, тогда как высокий и низкий показатели выражены по 30 %, таким образом, выявляется необходимость проработать умения управлять эмоциями для данной группы респондентов.

Обратимся к результатам математического исследования по t-критерию Стьюдента на достоверность различий для сравнения двух независимых выборок.

В результате исследования были выявлены достоверные различия в показателях эмоционального интеллекта между студентами помогающих профессий – будущих психологов и будущих педагогов ($t=6,9$) по методике Д.В. Люсина по шкале «межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ)» (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты достоверности различий у студентов помогающих профессий по шкалам опросника оценки эмоционального интеллекта Д.В. Люсина

Шкалы	Ср. знач. Студенты-психологи	Ср. знач. Студенты-педагоги	t-крит. Стьюдента	p, уровень значимости
МЭИ	48,39	38,44	6,9	0,01
ПЭ	46,14	40	3,7	0,01
МП	27,98	22,01	5,9	0,01
МУ	20	16,35	4,4	0,01

Существенный разрыв в средних показателях может быть детерминирован выраженностью у будущих психологов МЭИ. Это может означать проявление у студентов психологического направления способностей к управлению эмоциями других людей, что проявляется в высоких коммуникативных навыках, умении активно слушать и конструктивно решать конфликтные ситуации, умение наиболее эффективно регулировать проявление эмоций.

По шкале «Понимание эмоций» (таблица 1) у студентов обнаружены достоверные различия ($t=3,7$), что говорит о проявлении у студентов – будущих психологов более выраженной способности к пониманию своих и чужих эмоциональных проявлений, что необходимо для профессии психолога и помогает субъектам образовательной деятельности быть более эффективным в общении. По шкале УЭ не выявилось значимых различий ($t=1,8$).

При детальном сравнительном анализе (таблица 1) выявлены достоверные различия по субшкале МП ($t=5,9$). Это можно объяснить выраженностью у студентов психологической направленности способности к пониманию эмоциональных проявлений других людей, выраженности умений чувствовать их внутреннее состояние.

Далее обратимся к результатам выявления различий по методике изучения эмоционального интеллекта М.А. Манойловой. По данной методике по шкале интегрального показателя эмоционального интеллекта результат находится в зоне неопределенности ($t=2,4$) (таблица 1). Значимых различий

в других шкалах методики не обнаружено. В результате сравнительного анализа (таблица 1) различий в показателях эмоционального интеллекта по методике Н. Шутте не выявлено ($t=1,8$).

Заключение

Таким образом, в процессе сравнительного анализа, исследуя уровни и показатели эмоционального интеллекта у студентов помогающих профессий, были определены значимые различия по методике Д.В. Люсина. Данные статистически значимые различия подразумевают более выраженные у будущих психологов способности к пониманию чужих эмоций (МП) и управление ими, а также более выраженные показатели понимания эмоций, что в целом способствует более выраженному показателю межличностного интеллекта.

При этом следует констатировать, что высокие показатели по всем трем методикам не выражены в полной мере, что свидетельствует о необходимости развивать данный мягкий навык эмоционального интеллекта как у будущих педагогов, так и у будущих психологов. Поскольку исследование было организовано на студентах 1 курса во 2 полугодии, следует отметить, что профессиональные компетенции в области развития эмоционального интеллекта еще только формируются, поэтому использование специальных программ, тренингов для развития ЭИ у студентов помогающих профессий может позволить улучшить способности к пониманию себя и эмоциональных проявлений других людей.

Список источников

1. Манянина Т.В. Эмоциональный интеллект психологической культуры управленцев в сфере образования и социальной защиты // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 8. С. 278-284.
2. Мещерякова И.Н. Формирование эмоционального интеллекта студентов-психологов в процессе обучения в вузе // Вестник ТГУ. 2010. № 1. С. 157-161.
3. Бердникова И.А. Взаимосвязь внутриличностного эмоционального интеллекта и компонентов психологического благополучия студентов / И.А. Бердникова // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практ. конф. / Под общ. ред. А.Г. Миронова. Красноярск, 2022. С. 54-58.
4. Коленова В.А. Эмоциональный интеллект – навык soft skills успешности в карьере // Базис. 2024. № 1 (15). С. 30-33.
5. Ефанова М.И., Вигандт Е.С. Эмоциональный интеллект как предиктор психологического и социального благополучия студентов // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2024. № 2 (59). С. 65-71.
6. Лобанов А.П., Дроздова Н.В., Коптева С.И. Эмоциональный интеллект и усталость будущих специалистов помогающих профессий // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. 2023. № 2 (116). С. 59-62.
7. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3-22.
8. Манойлова М.А. Авторская методика диагностики эмоционального интеллекта – МЭИ // Педагогическая диагностика. 2007. № 3. С. 95-109.
9. Schutte N.S., Malouff J.M. et al. Development and validation of a measure of emotional intelligence // Personality and Individual Differences, 1998. No. 25 (2). DOI: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0191886998000014?via%3Dihub>.
10. Mayer J.D. Emotional intelligence: theory, findings, and implications / J.D. Mayer, P. Salovey, D. Caruso // Psychol. Inq. 2004. Vol. 15, No. 3. P. 197-215.

References

1. Manyanina T.V. Emotional intelligence of psychological culture of managers in the field of education and social protection/ T.V. Manyanina // Siberian pedagogical journal. 2009. No. 8. P. 278 -284.
2. Meshcheryakov I.N. Formation of emotional intelligence of students-psychologists in the course of study at university // Bulletin of TSU. 2010. No. 1. P. 157-161.
3. Berdnikova I.A. Interrelation of intraspecific emotional intelligence and components of psychological well-being of students/ I.A. Berdnikova // Professional self-determination of youth of innovative region: problems and prospects: Collection of articles on the materials of All-Russia scientific-law. Conf. / Under the joint. Red. A.G. Mironova. Krasnoyarsk, 2022. P. 54-58.
4. Kolenova V.A. Emotional intelligence – soft skills skill of career success // Basis. 2024. No. 1 (15). P. 30-33.
5. Ekaterina M., Vigandt E. Emotional intelligence as a predictor of psychological and social well-being of students // Bulletin of the Altai State Pedagogical University. 2024. No. 2 (59). P. 65-71.
6. Lobanov A.P., Drozdov N.V., Kopteva S.I. Emotional intelligence and fatigue of future professionals helping professions // Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University. Series 1. Pedagogy. Psychology. Philology. 2023. No. 2 (116). P. 59-62.

7. Lusin D.V. New Method for Measuring Emotional Intelligence: Survey of the MIT // Psychological Diagnosis. 2006. No. 4. P. 3-22.
8. Manyova M.A. Author's Method of Diagnosis of Emotional Intelligence - MEI // Pedagogical Diagnosis. 2007. No. 3. P. 95-109.
9. Schutte N.S., Malouff J.M. et al.. Development and validation of a measure of emotional intelligence // Personality and Individual Differences, 1998. No. 25 (2) DOI: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0191886998000014?via%3Dihub>.
10. Mayer J.D. Emotional intelligence: theory, findings, and im-plications / J.D. Mayer, P. Salovey, D. Caruso // Psychol. Inq. 2004. Vol. 15, No. 3. P. 197–215.

Информация об авторах

Горшенина Надежда Викторовна, кандидат психологических наук, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова (428015, Чувашская Республика, Чебоксары, Московский пр-т, 15).

Гаврилова Ирина Витальевна, кандидат педагогических наук, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова (428015, Чувашская Республика, Чебоксары, Московский проспект, 15).

Information about the authors

Nadezhda V. Gorsheinina, candidate of psychological sciences, I.N. Ulianov Chuvash State University (428015, Chuvash Republic, Cheboksary, Moskovsky Prospekt, 15).

Irina V. Gavrilova, candidate of pedagogical sciences, I.N. Ulianov Chuvash State University (428015, Chuvash Republic, Cheboksary, Moskovsky Prospekt, 15).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.05.2025; одобрена после рецензирования 06.06.2025; принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 23.05.2025; approved after reviewing 06.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Научная статья

УДК 159.9

EDN: <https://elibrary.ru/FHAUUN>

ПРИМЕНЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ ДЛЯ ОБРАБОТКИ И АНАЛИЗА ДАННЫХ В ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Перевозкин Сергей Борисович¹

Перевозкина Юлия Михайловна²

^{1, 2} Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹per_sj@mail.ru, ²per@bk.ru

Аннотация. В статье предлагается исторический анализ применения математических методов в психологии. Рассматриваются особенности выбора, описания и применения статистических программ для использования в психолого-педагогических исследованиях, их отличия, сильные и слабые стороны.

Ключевые слова: математические методы, статистические программы, психолого-педагогическое исследование, STATISTICA, SPSS, MS Excel.

Для цитирования: Перевозкин С.Б., Перевозкина Ю.М. Применение статистических программ для обработки и анализа данных в психолого-педагогических исследованиях // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 2 (7). С. 12-19.

APPLICATION OF STATISTICAL PROGRAMS FOR DATA PROCESSING AND ANALYSIS IN PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL RESEARCH

Sergey B. Perevozkin¹, Yulia M. Perevozkina²

^{1, 2} Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

¹per_sj@mail.ru, ²per@bk.ru

Abstract. The article offers a historical analysis of the application of mathematical methods in psychology. Features of the selection, description and application of statistical programs for use in psychological and pedagogical research, how they differ, their strengths and weaknesses.

Keywords: mathematical methods, statistical programs, psychological and pedagogical research, STATISTICA, SPSS, MS Excel.

For citation: Perevozkin S.B., Perevozkina Yu.M. Application of statistical programs for data processing and analysis in psychological and pedagogical research // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 2 (7). P. 12-19.

Проблема применения статистических программ в современных психолого-педагогических исследованиях является актуальной, так как основным назначением предлагаемых компьютерных программ является их доказательная база, подтверждение или опровержение научных гипотез, исходя из

полученных результатов. Именно освоение дисциплины, связанной с математическими методами в психологии и педагогике, позволяет широко использовать возможности данных средств расчетов в любой научной работе, от квалификационной, научно-исследовательской до описания результатов

в статье или отчете. Большинство современных научных работ «страдают» низким уровнем применения математических методов, представления данных и описания полученных результатов, это связано с трудностями понимания изучаемой дисциплины или низким уровнем ее преподавания [8, 10, 17], а также возможностями работы в статистических программах [5, 7, 11].

Вопрос возможности применения математических методов в психологических исследованиях встал еще в начале XIX века. В этот временной период сложности применения были вызваны как развитием самой психологии, так и развитием, и возможностями математического аппарата. Но необходимость использования математики в психологии возростала и аргументировалась. Так, И.Ф. Герbart отмечал, что количественное определение измеряемого явления будет бесполезным без применения математики, а при описании результатов необходимо основываться на опыте метафизики и математики [14, 15]. В психологии в начале XIX века математика в основном использовалась в качестве получения статистических данных: подсчета количества испытуемых, деления их по категориям и группам, сколько мужчин и женщин и т. п., а также подсчета суммы результатов и средних значений, что было достаточным в отсутствие методологической основы в развивающейся психологии определенных целей и задач исследования, которые были сформированы позже, лишь с официальным признанием психологии как науки в 1879 году после образования в Лейпциге первой психологической экспериментальной лаборатории В. Вунда [14]. На данном этапе появились все основания появления и развития психологической науки, а также развития математического аппарата. В 1877 году произошло еще одно важное событие в психологии: впервые результаты психологического исследования были подтверждены математическими методами, описанными в научной статье Ф. Гальтона, который обра-

тился за помощью к молодому математику К. Пирсону, предложившему для обработки массива данных метод корреляций, что оказало сильнейшее влияние на развитие научных методов и экспериментальной психологии в целом. При этом стали возникать проблемы взаимодействия математиков и психологов. Ученые-психологи не всегда могли объяснить математикам, что они исследуют и какой результат они хотят получить, при этом математики не всегда могли показать возможности математического аппарата, в каких случаях и как его можно применять, из-за слабой подготовленности гуманитариев. Поэтому выход из сложившейся ситуации был найден, математики стали изучать психологию, а в дальнейшем и психологам пришлось осваивать азы математических расчетов. Ярким примером такого слияния, освоения наук могут послужить такие имена ученых, как Р. Фишер [10, 19], известный созданием дисперсионного анализа и работами по планированию эксперимента, Ч. Спирмен как разработчик одного из критериев корреляционного анализа и исследователь интеллектуальной сферы человека с помощью факторного анализа, благодаря которому он обосновал и описал двухфакторную модель интеллекта [2, 20].

Таким образом, с этого момента математика стала служить доказательной базой в психологических исследованиях, а в начале XX века – и в междисциплинарных психолого-педагогических исследованиях. Особый интерес использование матстатистических средств расчета вызвало в таких направлениях психологии, как бихевиоральное, гештальтпсихология, а также в развитии отдельных дисциплин: экспериментальной психологии, психодиагностике, например, в методе тестирования (проверка инструментария на валидность, надежность и стандартизацию). С развитием математического аппарата повышалась и его востребованность: в исследованиях он стал использоваться более широко для подтверждения/опровержения выдвигаемых гипотез.

тез и описания результатов, предсказания результатов, создания и описания психологических моделей и т.п.

Дальнейшее развитие и применение математики в психолого-педагогических исследованиях определило появление компьютеров и математико-статистических программ, облегчивших труд ученых и ускоривших обработку данных, а также повысивших их надежность.

На сегодняшний день на рынке программ существует множество предлагаемых вариантов, от самых простых до специализированных, с большим количеством вычислительных модулей: SAS, BMDP, STADIA, OLIMP, STATGRAPHICS, SPSS, STATISTICA и др. [26]. Наиболее известными и часто используемыми в расчетах яв-

ляются такие программы, как STATISTICA, SPSS, MS Excel [3, 5, 9]. Выбор программы зависит от требования к сложности расчетов, а также от уровня освоенной статистической программы и возможности ее использования, так как большинство предлагаемых программ являются достаточно дорогими в приобретении и продолжительными курсами освоения.

Одной из бюджетных программ (для повседневного использования, с ограниченными возможностями) является MS Excel [6, 12], которая относится к офисным программам и присутствует практически на всех компьютерах. Программа имеет вид из панели предлагаемых функций и столбцов, строк таблицы (рисунок 1).

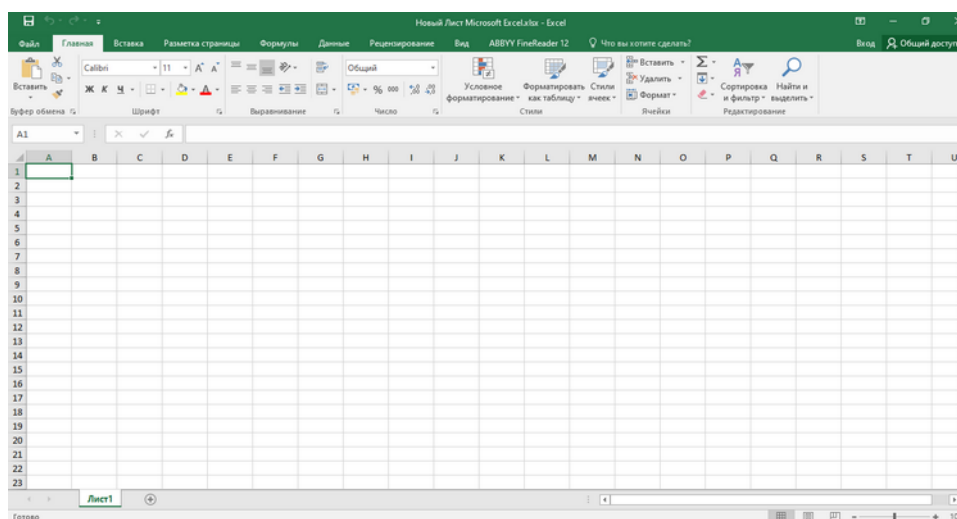

Рисунок 1 – Внешний вид программы MS Excel

Она имеет как определенные достоинства, так и недостатки. К плюсам можно отнести ее доступность, возможность использования средств описательной статистики и построение графиков (в статистических программах они имеют свою специфику), а к минусам – ограниченность математических модулей (возможности программы, недостаточное количество критериев, анализов) и необходимость использования дополнительной литературы с табличными данными, например, востребованность таблиц с уровнями значимости при расчетах

критериев, а также умение работать в ней [16, 18]. Программа также периодически обновляется, расширяются ее возможности, а 29 декабря 2024 года была разработана уже 24 версия, означающая год ее выпуска.

Основными специализированными программами являются две конкурирующие между собой программы SPSS [1, 13, 22] и STATISTICA [3, 4, 14, 15].

Одной из «старых» вычислительных программ является SPSS (Statistical Package for the Social Sciences), которая была создана еще в 1968 году и изначально создавалась

для статистической обработки результатов в социологии после проведенных опросов.

В 1975 году с уменьшением компьютеров до бытового применения увеличился и спрос на программное обеспечение, а также расширился круг пользователей. С течением

времени SPSS продолжал развиваться, добавляя новые функции и возможности. С каждой новой выпускаемой версией программы в неё добавлялись новые модули, на современном этапе (в 2021 году) выпущена уже 28 версия (рисунок 2).

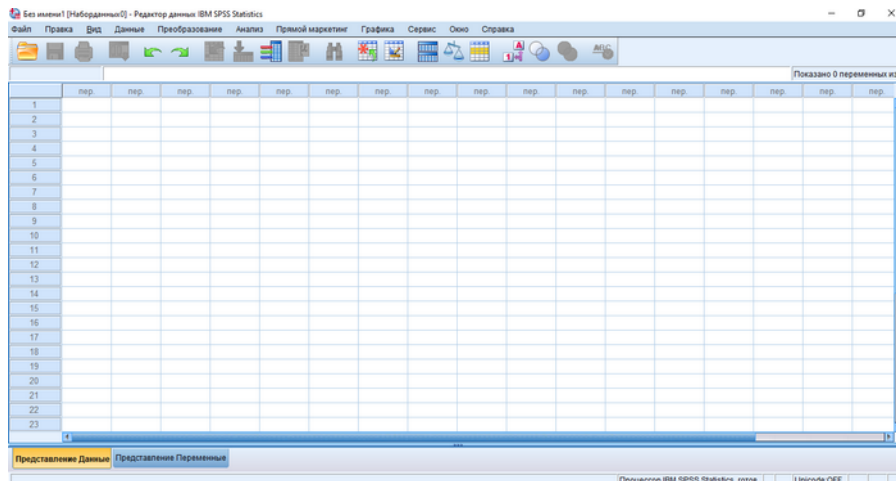

Рисунок 2 – Внешний вид программы SPSS 24 версии

Предлагаемая статистическая программа также имеет достоинства и недостатки. Одним из достоинств является ее цена, статистический пакет является доступным, находясь в среднем ценовом диапазоне, но все-таки достаточно высоким для обычного пользователя. Внешний вид похож на MS Excel с почти бесконечным количеством столбцов и строк. Количество математических модулей отражает высокий уровень возможностей программы, и это связано с современными требованиями потребителей. Но можно отметить своеобразное представление результатов в таблицах, например, расположение данных, уровни значимости (в программе обозначаются не числовыми значениями, а *, их количество демонстрирует разные уровни достоверности данных: * при $p \leq 0,05$; ** при $p \leq 0,01$; *** при $p \leq 0,001$ и меньше) [1, 21, 23]. Использование программного модуля зависит от уровня знаний матстатистики, освоения ее пользователем и наличия самой программы.

Следующей популярной программой, составляющей конкуренцию SPSS, является математико-статистический пакет STATISTICA. Программа разработана в на-

чале 1990 годов фирмой StatSoft, которая также предназначалась для статистического анализа данных различных наук и бизнеса. Создатели программы старались упростить интерфейс программы и сделать её удобной в применении, внедряя при этом современные модули обучения и аналитики (рисунок 3). Существенным минусом является ее цена, которая значительно превышает стоимость ее аналога – SPSS, но предлагается подписка по времени использования.

Особенности программы отмечаются уже в ее внешнем виде: панель можно сделать в виде ленты или оставить в классическом варианте (как в старых версиях офисных программ); изначально таблица предлагается в формате 10 столбцов на 10 строчек (их количество можно регулировать) [1, 24, 25]. В отличие от программы SPSS уровень значимости вычисляется программой и представляется в виде числовых значений, значимые показатели могут выделяться красным цветом. В таблицах результаты также могут иметь отличия по порядку представления и количеству расчетов. Программа STATISTICA периодически обновляется, и с 2023 года предлагается уже версия 14.1.0.

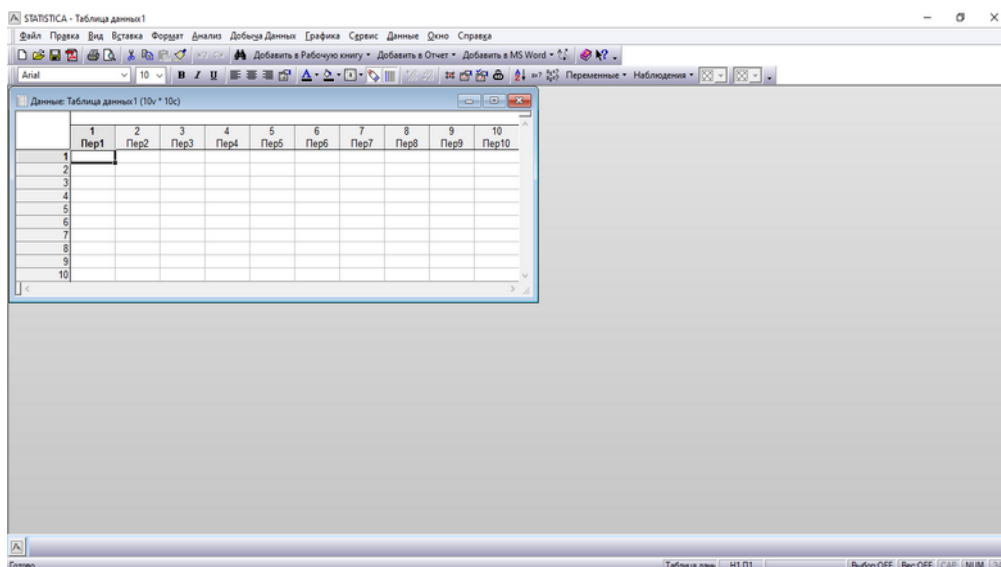

Рисунок 3 – Классический внешний вид программы STATISTICA версии 12

Возможности современных рассматриваемых программ практически одинаковы (зависит от версий) и различаются только специалистами, владеющими нестандартными способами обработки или более глубоким анализом данных. При этом, если вы хоть раз работали в одной из них, то не составит труда разобраться в аналогичном математическом пакете.

Исходя из вышеизложенного, обе программы – SPSS и Statistica [3, 5] – являются важными инструментами в сфере статистики и анализа данных и продолжают использоваться в различных областях исследований и дисциплин.

Высокие требования современных психолого-педагогических исследований к обработке и анализу результатов широко восполняются возможностями статистических программ (описательная статистика, корреляционный (номинальных и количественных данных), сравнительный (зависимых и независимых групп), факторный, регрессионный (множественный), кластерный, дискриминантный и многие другие анализы) [8, 10, 14, 15].

В процессе обучения математическим методам формируется исследовательское мышление, возможность профессионального определения, что, как исследовать, чем

обрабатывать полученные результаты (какой наиболее эффективный вид математического аппарата использовать для расчетов), как их анализировать, представлять и описывать. Поэтому полученные школьные знания, а также знание математики на начальном этапе обучения в вузе способствуют освоению этой дисциплины, вместе с тем начальное знание компьютерной грамотности, владение компьютером на уровне пользователя поможет работать в статистических программах.

Таким образом, можно заключить:

1. Применение статистических программ в современных психолого-педагогических исследованиях выступает доказательной базой, подтверждением или опровержением научных гипотез, исходя из полученных результатов расчетов данных.

2. Программы SPSS и Statistica являются важными инструментами в сфере статистики и анализа данных и продолжают использоваться в различных областях исследований и дисциплин.

3. Обучение математическим методам является важным элементом и шагом для личностного и профессионального роста как в психологической, так и педагогической науках.

Список источников

1. Алексеева А.Ю., Ечевская О.Г., Ковалева Г.Д. и др. Анализ социологических данных с применением пакета SPSS. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2003. 125 с.
2. Афифи А., Кларк В., Мэй С. Компьютерный многомерный анализ. Нью-Йорк: CRC Press, 2003. 175 с.
3. Боровиков В.П. Популярное введение в современный анализ данных в системе STATISTICA. М.: Горячая линия – Телеком, 2013. 288 с.
4. Боровиков В.П. Нейронные сети. STATISTICA Neural Networks: Методология и технологии современного анализа данных. М.: Горячая линия – Телеком, 2008. 288 с.
5. Бююль А., Цёфель П. SPSS: Искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. СПб.: «ДиаСофтЮП», 2005. 608 с.
6. Вишневецкий В.Ю., Старченко И.Б., Ледяева В.С. Работа с Microsoft Office 2016: Excel. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2016. 136 с.
7. Волков В.Б. Понятный самоучитель Excel 2010. СПб.: Питер, 2010. 256 с.
8. Ермолаев-Томин О.Ю. Математические методы в психологии. М., 2016. 511 с.
9. Лебедев А.Н. Понятный самоучитель Excel 2013. СПб.: Питер, 2014. 128 с.
10. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования: Анализ и интерпретация данных. СПб.: Речь, 2004. 392 с.
11. Наследов А.Д. SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. 374 с.
12. Одиночко В.Ф., Сидорик В.В. MS Excel 2010. Минск: БНТУ, 2011. 62 с.
13. Пациорковский В.В., Пациорковская В.В. SPSS для социологов. М.: ИСЭПН РАН, 2005. 433 с.
14. Перевозкин С.Б., Перевозкина Ю.М. Методы математической статистики в научно-исследовательской работе психолога. Новосибирск: НГУЭиУ, 2017. 162 с.
15. Перевозкина Ю.М., Перевозкин С.Б. Основы математической статистики в психолого-педагогических исследованиях: в 2 частях. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014, Ч. 1. 115 с., Ч. 2. 242 с.
16. Речицкая И.В. MS Excel – универсальная система обработки данных: метод указания. Владивосток: Издат. дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. 52 с.
17. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2002. 350 с.
18. Столяров А.М., Столярова Е.С. Microsoft Excel 2003. М.: ИТ Пресс, 2004. 98 с.
19. Хилл Т., Левицкий П. Статистические методы и их применение. Талса, Оклахома: StatSoft. 2007. 352 с.
20. Afifi A., V. Clark and S. May. Computer-Aided Multivariate Analysis. 4th ed. New York: CRC Press. 2003. 155 p.
21. Andy Field. Discovering Statistics Using SPSS, Second Edition. 2005. 205 p.
22. Griffith A. SPSS for Dummies. Hoboken: Wiley Publishing, 2007. 452 p.
23. Gustav Levine, Sanford L. Braver, David P. Mackinnon, Melanie, C. Guide to SPSS for Analysis of Variance. Lawrence Erlbaum Associates; 2-nd edition. 2005. 200 p.
24. Morgan G.A., Leech N.L., Gloeckner G.W., & Barrett K.C. SPSS for introductory statistics: Use and Interpretation. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 2004. 384 p.
25. Leech N.A., Barrett K.C., & Morgan, G.A. SPSS for intermediate statistics: Use and interpretation. 2004. 188 p.
26. Sá, Joaquim. Applied Statistics Using Spss, Statistica, Matlab. Berlin: Springer, 2007. 98 p.

References

1. Alekseeva A.Yu., Yechevskaya O.G., Kovaleva G.D., Rostovtsev P.S. Analysis of sociological data using the SPSS package. Novosibirsk: RIC NSU, 2003. 125 p.
2. Afifi A., Clark V., May S. Computer multivariate analysis. New York: CRC Press, 2003. 175 p.
3. Borovikov V.P. A popular introduction to modern data analysis in the STATISTICA system. M.: Hotline – Telecom, 2013. 288 p.
4. Borovikov V.P. Neural networks. STATISTICA Neural Networks: Methodology and technologies of modern data analysis. M.: Hotline – Telecom, 2008. 288 p.
5. Byul A., Cefel P. SPSS: The art of information processing. Analysis of statistical data and restoration of hidden patterns. St. Petersburg: DiaSoftUP, 2005. 608 p.
6. Vishnevetsky V.Yu., Starchenko, I.B., Ledyeva, V.S. Working with Microsoft Office 2016: Excel. Rostov n/D.: SFU Publishing House, 2016. 136 p.
7. Volkov V.B. Clear tutorial Excel 2010. St. Petersburg: Peter, 2010. 256 p.
8. Ermolaev-Tomin O.Y. Mathematical methods in psychology. M., 2016. 511 p.
9. Lebedev A.N. Clear tutorial Excel 2013. St. Petersburg: Peter, 2014. 128 p.
10. Herestov, A.D. Mathematical methods of psychological research: Analysis and interpretation of data. St. Petersburg: Speech, 2004. 392 p.
11. Herodov A.D. SPSS: Computer data analysis in psychology and social sciences. 2nd ed. St. Petersburg: Peter, 2006. 374 p.
12. Odnokhko V.F., Sidorik V.V. Msexel 2010. Minsk: BNTU, 2011. 62 p.
13. Paciorkovsky V.V., Paciorkovskaya V.V. SPSS for sociologists. M.: ISEPN RAS, 2005. 433 p.
14. Perevozkin S.B., Perevozkina Yu.M. Methods of mathematical statistics in the research work of a psychologist. Novosibirsk: NGUEI, 2017. 162 p.
15. Perevozkina Yu.M., Perevozkin S.B. Fundamentals of mathematical statistics in psychological and pedagogical research: in 2 parts. Novosibirsk: NSPU Publishing House, 2014, Part 1. 115 p., Part 2. 242 p.
16. Rechitskaya I.V. MS Excel – a universal data processing system : an indication method. Vladivostok: Publishing House. Far East Federal House. University, 2013. 52 p.
17. Sidorenko, E.V. Methods of mathematical processing in psychology. St. Petersburg: Speech, 2002. 350 p.
18. Stolyarov A.M., Stolyarova E.S. Microsoft Excel 2003. M.: NT Press, 2004. 98 p.
19. Hill T., Levitsky P. Statistical methods and their application. Tulsa, Oklahoma: StatSoft. 2007. 352 p.
20. Afifi, A., V. Clark, and S. May. Computer-Aided Multivariate Analysis. 4th ed. New York: CRC Press. 2003. 155 p.
21. Andy Field. Discovering Statistics Using SPSS, Second Edition. 2005. 205 p.
22. Griffith A. SPSS for Dummies. Hoboken: Wiley Publishing, 2007. 452 p.
23. Gustav Levine, Sanford L. Braver, David P. Mackinnon, Melanie C. Page, Gustav. Levine's Guide to SPSS for Analysis of Variance. Lawrence Erlbaum Associates; 2-nd edition. 2005. 200 p.
24. Morgan G.A., Leech N.L., Gloeckner G.W., & Barrett K.C. SPSS for introductory statistics: Use and Interpretation. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 2004. 384 p.
25. Leech N.A., Baret K.C., & Morgan, G.A. SPSS for intermediate statistics: Use and interpretation. 2004. 188 p.
26. Sá, Joaquim. Applied Statistics Using SPSS, Statistica, Matlab. Berlin: Springer, 2007. 98 p.

Информация об авторах

Перевозкин Сергей Борисович, кандидат психологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Перевозкина Юлия Михайловна, доктор психологических наук, профессор, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Serg B. Perevozkin, candidate of psychological sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard troops of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Yulia M. Perevozkinf, doctor of psychological sciences, professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard troops of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 12.05.2025; одобрена после рецензирования 30.05.2025; принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 12.05.2025; approved after reviewing 30.05.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Научная статья

УДК 159.9

EDN: <https://elibrary.ru/YQZJJH>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ – УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Соловьева Ольга Викторовна

Сибирский центр психологической и правовой помощи ветеранам и участникам боевых действий, членам их семей, военнослужащим и гражданским лицам, Новосибирск, Россия
olga2233@mail.ru

Аннотация. Статья исследует актуальные проблемы, с которыми сталкиваются психологи и военнослужащие при обеспечении психологической поддержки участников специальной военной операции. В статье также представлен авторский взгляд на вопросы психологического сопровождения военнослужащих.

Ключевые слова: посттравматическое стрессовое расстройство, методы, стереотипы и специализация, военнослужащие, конфликт, психологическая устойчивость.

Для цитирования: Соловьева О.В. Актуальные вопросы психологического сопровождения военнослужащих – участников специальной военной операции // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 2 (7). С. 20-28.

TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR MILITARY PERSONNEL PARTICIPATING IN A SPECIAL MILITARY OPERATION

Olga V. Solovyova

Siberian center for psychological and legal assistance to veterans and combatants, their families, military personnel, and civilians, Novosibirsk, Russia
olga2233@mail.ru

Abstract. The article explores the current problems faced by psychologists and military personnel in providing psychological support to participants in a special military operation. The article also presents the author's view on the issues of psychological support for military personnel.

Keywords: post-traumatic stress disorder, methods, stereotypes and specialization, military personnel, conflict, psychological stability.

For citation: Solovyova O.V. Topical issues of psychological support for military personnel participating in a special military operation // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 2 (7). P. 20-28.

На сегодняшний день среди актуальных вопросов психологического сопровождения военнослужащих – участников специальной военной операции можно выделить два основных – это специалисты-психологи и отношение военнослужащих к ним. Психологическое сопровождение военнослужащих, участвующих в СВО, имеет решающее

значение для поддержания их психического здоровья, боеспособности и успешной адаптации к мирной жизни после возвращения. Актуальность этой темы постоянно растёт, требуя пристального внимания и гибких подходов, однако дефицит квалифицированных специалистов по работе с комбатантами – серьёзная проблема.

При работе с участниками боевых действий, огромное значение имеет *понимание* специфики травматического опыта военнослужащих. Гражданские специалисты, насколько бы они ни были профессиональны, не могут полностью пережить и понять то, через что прошли участники боевых действий. Эмпатия важна, но без опыта она имеет свои ограничения. Мужчин-ветеранов, имеющих специальное образование в области психологии, которые сами вышли не только из военной среды, но и непосредственно принимали участие в боевых действиях, мало. Однако сам факт участия в боевых действиях не гарантирует, что, получив образование, человек будет качественным специалистом. Справедливо отметить, что сам по себе опыт боевых действий не делает человека квалифицированным специалистом. Необходимо специальное образование, практический опыт работы и постоянное профессиональное развитие. Комбинация боевого опыта и профессионального образования – идеальный вариант, но его недостаточно. Участники боевых действий, как мужчины, так и женщины, с одной стороны, хорошо понимают специфику проблем, с другой стороны, имеют непроработанные осколки травматического опыта, который может внести помехи в консультативный процесс. Необходимо также владение современными методами психологической помощи и терапии, а также умение работать в команде с другими специалистами. Преобладание женщин-специалистов также является фактором, который нужно учитывать. Некоторые ветераны могут чувствовать себя некомфортно, общаясь с женщиной о своих травмирующих переживаниях, особенно если эти переживания связаны с проявлениями сексуального насилия или другими формами травмы. Однако важно подчеркнуть, что это не означает, что женщины-специалисты не могут эффективно работать с ветеранами. Главное – профессионализм, эмпатия и умение установить доверительные отношения.

Гражданские лица, и особенно женщины, очень сильно отталкиваются от собственной картины мира мирного времени, а также от учебников или информации, полученной на обучении, где преподавали такие же тыловые специалисты.

В рамках психологического сопровождения военнослужащих – участников СВО, необходимо особое внимание уделить проблеме, которую можно отметить как «коммерциализация ПТСР». Речь идет о ситуациях, когда фокус смещается с комплексной поддержки военнослужащего по выявлению и «лечению» исключительно посттравматического стрессового расстройства, причем иногда с использованием устаревших или неэффективных методов, а главное – в отрыве от соответствующего образа человека. Как справедливо отметил профессор А.Г. Караяни [1], истинное ПТСР – это тяжелое и продолжительное состояние, требующее длительной и квалифицированной помощи. Однако, когда в потоке появляется «диагностика ПТСР», возникает ряд серьезных проблем.

Низкое качество услуг. Коммерциализация психологической помощи и стремление к быстрым результатам приводят к снижению качества оказываемых услуг. Известны случаи, когда люди получали профильное образование, но, столкнувшись с реалиями работы, просто уходили в другие сферы. Есть специалисты, которые, не имея медицинского образования, позиционируют себя клиническими психологами и за одну сессию, с их слов, избавляют клиента от ПТСР. Попытки «избавить от ПТСР за одну сессию» – это не только неэтично, но и потенциально опасно, так как может усугубить состояние клиента или привести к неверной диагностике и выбору терапевтического подхода.

Наличие таких специалистов говорит о серьезных проблемах в этической и профессиональной сферах. Это не только подрывает доверие к психологической помощи, но и может нанести непоправимый вред здоровью клиентов. ПТСР – сложное

расстройство, требующее дифференциальной диагностики и индивидуального подхода к лечению. Некомпетентные специалисты могут поставить неверный диагноз и назначить неэффективное или небезопасное лечение.

Также известны случаи, когда люди, работающие на волонтерской основе, создают буквально бесценную копилку опыта, делятся своими наработками и знаниями, работают в госпиталях на безвозмездной основе, выезжают к военнослужащим в зону СВО и знают ситуацию войны практически изнутри.

Для любого, кто хочет работать с темой войны, очень важна способность отказаться от готовых рецептов, войти в сферу неизвестного, опасного и пугающего, а иногда отказаться от наработанных шаблонов и веры во всемогущество своих методов. Не потому, что методы плохи, а потому, что они разрабатывались для человека мирного времени. Война – реальность совершенно иная.

Существует узкий перечень методов с доказанной клинической эффективностью, которые описаны в литературе, преподаются и продвигаются в психологической среде как допустимые методы работы с ПТСР и комплексной посттравматической реакцией (КПТСР) у участников боевых действий. Действительно, существует разрыв между доказательной базой, полученной в большей степени на клиническом материале мирного времени, и реалиями работы с ветеранами СВО.

Вот несколько ключевых моментов:

Ограниченная применимость существующих методов. Методы, такие как когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) и пролонгированная экспозиционная терапия, имеют доказанную эффективность для ПТСР, но их применимость к специфическим проблемам ветеранов СВО может быть ограничена. Эти методы, разработанные в большей степени на основе опыта работы с клиентами, пережившими изолированные травмирующие события, могут быть недостаточно эффективны для ветеранов, которые прожили продолжительный период

экстремального стресса и многократных травмирующих событий.

Недостаточность понятий ПТСР и КПТСР. Диагнозы ПТСР и КПТСР, хотя и важны, не в полной мере отражают сложность психологических процессов, происходящих в психике комбатанта. Опыт войны часто включает в себя не только прямые травмирующие события, но и продолжительный экстремальный стресс, моральные дилеммы, чувство вины, потери социальных связей и многие другие факторы.

Профессиональные стереотипы и специализация. Специалист, работающий в определенном терапевтическом направлении (КПТ, телесная терапия, гештальт-терапия), может применять его как универсальный инструмент, не учитывая полную картину состояния клиента. Это может привести к неэффективности терапии или даже к ухудшению состояния.

Что необходимо учитывать для улучшения качества работы:

Интегративный подход. Необходимо отказаться от узкой специализации в пользу интегративного подхода, который позволяет комбинировать различные методы с учетом индивидуальных особенностей клиента и всей картины его переживаний.

Учет контекста. Большое значение имеет учет специфического контекста боевых действий, включая социальные и культурные факторы.

Междисциплинарный подход. Необходимость междисциплинарного сотрудничества с врачами, социологами, юристами и другими специалистами.

Постоянное профессиональное развитие. Специалисты должны постоянно повышать свою квалификацию и осваивать новые методы работы с ПТСР и КПТСР, учитывая специфику боевых действий.

Разработка новых методов психологической помощи ветеранам СВО остается актуальной задачей.

Т.А. Грозная [2] считает, что формирование навыков эмоциональной регуляции у военнослужащих необходимо сопровождать

обучением техникам нейтрализации негативных эмоциональных состояний. М.В. Кулакова [3] отмечает, что эмоциональная регуляция включает в себя освоение техник медитации, релаксационных техник, техник управления дыханием и преодоления стресса.

Необходимо разрабатывать и внедрять инновационные подходы к психологической реабилитации, учитывающие специфику боевого опыта.

Супервизия и работа в команде. Непрерывная супервизия и работа в команде с опытными специалистами являются важными факторами для предотвращения выгорания и повышения качества помощи.

В.И. Мельников, А.А. Столяров [4] отмечают, что под воздействием условий боевых действий психоэмоциональное состояние военнослужащих дестабилизируется, что приводит к снижению эмоциональной адаптивности, ограниченности эмоциональных ресурсов и социальной пассивности. В свою очередь, в процессе психологической коррекции происходит преодоление эмоциональных сложностей участников специальных операций, поэтому необходимо переосмысление подхода к психологической помощи ветеранам СВО, учитывающее сложность и многогранность их психологических проблем, а также ограниченность и неполную применимость существующих методов в этой специфической ситуации. Та информация, которую может предъявить комбатант, подчас вызывает шок и травму свидетеля. Процессы, которые происходят в психике участников боевых действий, больше напоминают клиническую симптоматику, и методы обычной психологии без фармакологической поддержки могут быть попросту неэффективны.

Есть ключевое различие между формальным применением методов и истинно профессиональным подходом в психотерапии, особенно в работе с такими сложными клиентами, как ветераны боевых действий. Многие специалисты, к сожалению, застревают на уровне техники и протокола, забы-

вая о глубине человеческого опыта и индивидуальности клиента.

Вот несколько важных моментов:

Душа человека как объект работы. Существуют глубинные, индивидуальные аспекты человеческой психики, которые не всегда поддаются формализованному описанию и измерению. Психотерапия – это работа с целостным человеком, а не только с его симптомами или поведением.

Методы как маяк и карта, а не как инструкция. Методы и протоколы – это важные инструменты, но не более чем маяки и карты. Они помогают ориентироваться в сложном мире человеческой психики, но специалист должен использовать их гибко и адаптивно, учитывая индивидуальные особенности каждого клиента. Слепое следование протоколам может привести к неэффективности терапии или даже нанести вред.

Эмоциональная вовлеченность и терапевтический альянс. Важным условием успешной терапии является формирование терапевтического альянса – доверительных отношений между специалистом и клиентом. Это невозможно без эмоциональной вовлеченности специалиста, его способности к эмпатии и понимания глубинных переживаний клиента. «Отстраненный профи» не способен построить такие отношения. Клиент должен чувствовать поддержку, понимание и сопереживание специалиста.

Опасность узкой специализации. Ограничение только определенным методом (КПТ, телесная терапия и т.д.) может привести к недостаточному учету других важных аспектов состояния клиента. Важно иметь широкий арсенал инструментов и умение адаптировать их к конкретной ситуации.

Психотерапия – это не просто следование протоколам, а творческий и эмоционально затратный процесс, требующий глубокого понимания человеческой природы и способности к эмпатии. «Целитель душ» – это не тот, кто слепо следует инструкциям, а тот, кто обладает широким кругозором, интуи-

цией, глубоким пониманием человека и способностью адаптироваться к индивидуальным особенностям каждого клиента. Обучение должно фокусироваться не только на освоении техник, но и на развитии этих важных качеств.

Давайте рассмотрим другую опасную сторону медали «работа душой» без профессиональной подготовки и саморегуляции. Действительно, чрезмерная эмоциональная вовлеченность и потеря личных границ могут нанести вред, как клиенту, так и самому специалисту.

«Работа душой» как маска для непроработанных мотивов Часто за стремлением «работать душой» скрываются собственные непроработанные эмоциональные проблемы, травмы или потребности. Специалист может неосознанно использовать свою работу, чтобы разрешить свои собственные конфликты или удовлетворить свои потребности в признании, власти или любви. В таком случае клиент становится объектом манипуляций или проекций.

Неконтролируемая эмпатия, сочувствие и слияние. Эмпатия – важнейший инструмент психотерапевта, но неконтролируемая эмпатия, сочувствие, слияние с клиентом могут привести к:

- **потере объективности.** Специалист перестает видеть реальную ситуацию клиента и начинает воспринимать ее сквозь призму своих собственных эмоций и переживаний;

- **выгоранию.** Постоянное переживание эмоциональной боли клиента без адекватной поддержки и саморегуляции приводит к эмоциональному истощению и выгоранию;

- **нарушению профессиональных границ.** Специалист может нарушать профессиональные границы, вступая в личные отношения с клиентом или оказывая ему необоснованную помощь;

- **Неэффективности терапии.** Клиент может стать зависимым от специалиста, а не научиться самостоятельно справляться с трудностями.

Нужно понимать разницу между эмпатией и потерей личных границ.

Истинная эмпатия – это способность понимать и чувствовать эмоции другого человека, сохраняя при этом собственную индивидуальность и объективность. **Потеря личных границ** – это стирание границ между собой и клиентом, когда специалист сливается с эмоциями клиента, теряет способность к критическому мышлению и объективной оценке ситуации. Примером удачного подхода можно считать «разделение бытия» по Роджерсу, то есть способность понимать клиента, сохраняя при этом свою позицию и свои границы.

Какие можно сделать выводы?

Психотерапевты должны проходить тщательную профессиональную подготовку, включающую в себя работу над собственными эмоциональными проблемами и развитие навыков саморегуляции. Регулярная супервизия – обязательное условие профессионального роста и поддержания этического кодекса.

Необходимо развивать самосознание, понимание своих собственных эмоций, мотивов и потребностей. Это помогает избегать проекций и манипуляций в работе с клиентами.

Четкое соблюдение этических границ и профессиональных стандартов – залог эффективной и безопасной терапии.

Специалисты должны заботиться о своем эмоциональном благополучии, используя различные методы саморегуляции и обращаясь за помощью к коллегам при необходимости.

Необходимо находить баланс между эмпатией и объективностью, чтобы эффективно помогать клиентам, не теряя при этом себя.

«Работа душой» без ответственного и осознанного подхода к психотерапии, основанного на профессионализме, этичности и заботе о собственном эмоциональном благополучии, может превратиться в путь в никуда.

Оптимальный выход – личная гибкость, психологическая устойчивость, принятие

любого материала и широкий спектр реагирования, даже в некоторой степени актерства, конгруэнтно, согласно терапевтической пользе, причем на уровне условного рефлекса.

Исследования показывают, что эффективная психологическая помощь участникам специальных операций включает несколько ключевых направлений. Л.Э. Кузнецова и Р.В. Черепанов [5] отмечают важность ментальной переоценки накопленного эмоционального опыта. М.А. Кузнецова [6] подчеркивает роль социальной поддержки в процессе коррекции. О.В. Леонтьев, Г.В. Москаленко и Е.В. Яковлев [7] акцентируют внимание на необходимости психоэмоциональной адаптации. О.Ю. Солдатова [8] считает формирование эмоционально-волевой устойчивости критически важным для сохранения самообладания в стрессовых ситуациях. Таким образом, комплексный подход, учитывающий эти факторы, является наиболее эффективным в психологической работе с военнослужащими.

Следующий актуальный вопрос – это **отношение военнослужащих к психологам в условиях современного военного конфликта**, представляющее собой сложный феномен.

Существует критическая проблема в области психологической подготовки военнослужащих перед боевыми операциями. Отсутствие системной подготовки, замена ее самостоятельностью и неэффективными советами, в сочетании со стигматизацией, создают крайне неблагоприятную ситуацию, влияющую на психологическое здоровье военнослужащих и эффективность выполнения боевых задач.

Недостаточная психологическая подготовка к военным действиям – это одна из ключевых проблем. Полноценная психологическая подготовка должна включать:

Обучение методам саморегуляции. Обучение управлению стрессом, дыхательным упражнениям, техникам релаксации, когнитивным стратегиям и т.д.

Развитие психологической устойчивости.

Изучение психологической устойчивости традиционно исследовалось в рамках двух основных подходов. Первый подход исходит из того, что психическая устойчивость определяется индивидуальными особенностями, а именно темпераментом, который оказывает непосредственное влияние на поведенческие проявления человека.

Второй подход связывает психическую устойчивость с особенностями поражения нервной системы, рассматривая ее как производную от характеристик нервных процессов Л.И. Божович [9] предложила рассматривать психическую устойчивость «как уровень сформированности личности, способность обладания определённым иммунитетом по отношению к внешним воздействиям».

В.В. Варваров [10, с. 56] дает определение психической устойчивости как «способности противостоять негативному влиянию напряженности на поведение и действие человека». Он предлагает сравнивать результаты деятельности военнослужащего «до» и «после», то есть в обычной ситуации, а потом в состоянии напряжения, стресса.

А.П. Елисеев и П.А. Корчемный [11] считают, что психическая устойчивость – это «целостное, интегральное качество личности и коллективов, проявляющееся в способности оптимально отражать действительность в сложных, в том числе стрессовых, чрезвычайных ситуациях».

Формирование навыков преодоления стресса, укрепление личностных ресурсов.

Информирование о возможных психологических реакциях. Знание о типичных реакциях на стресс, чтобы снизить тревожность и помочь в своевременном обращении за помощью.

Работа с группой. Обучение эффективному взаимодействию в команде, поддержке друг друга.

Работа с убеждениями и ценностями. Помощь в осознании собственных ценно-

стей и мотивов, которые могут быть важны в экстремальных ситуациях.

Замена профессиональной подготовки советами «бывалых» или собственными представлениями – большая ошибка. Опыт может быть полезен, но без психологической подготовки эти советы могут быть:

- **неэффективными**, то есть не соответствовать индивидуальным особенностям и потребностям;

- **вредными**, то есть основанными на непроработанных эмоциях и проблемах самого советчика;

- **усугубляющими ситуацию** (передача собственных негативных эмоций и реакций);

- **непрофессиональными**, то есть предлагающими копинг-стратегии, которые могут быть неадекватны и неэффективны в экстремальных условиях.

Стигматизация обращения за психологической помощью – серьезная преграда. Военнослужащие могут бояться обращаться за помощью из-за боязни показаться слабыми, из-за негативного отношения коллег, из-за боязни повредить своей карьере.

Что необходимо предпринять в такой ситуации:

1. Введение обязательной системной психологической подготовки для всех военнослужащих, участвующих в боевых операциях.

2. Обучение профессиональных психологов и инструкторов для проведения психологической подготовки.

3. Создание программ, соответствующих современным методам и учитывающих специфику боевых действий.

4. Проведение информационных кампаний, направленных на разрушение стереотипов и повышение осведомленности о значении психологической поддержки.

5. Создание доступных и анонимных каналов психологической помощи.

6. Обучение командиров навыкам психологической поддержки своих подчиненных и распознаванию признаков психологических проблем.

7. Разработка эффективных программ реабилитации после участия в боевых действиях, включающих психологическую, социальную и профессиональную поддержку.

8. Создание атмосферы, где обращение за психологической помощью не воспринимается как признак слабости. Это можно сделать через пропаганду важности психологического здоровья и показ позитивных примеров.

Решение этих проблем – важнейшая задача, которая позволит повысить психологическую устойчивость военнослужащих, эффективность выполнения боевых задач и снизить риск развития психических расстройств после участия в боевых действиях.

Комплексный подход, включающий в себя все эти стратегии, является ключом к успеху. Изменения будут происходить постепенно, но систематические усилия приведут к повышению доверия военнослужащих к психологам и улучшению их психологического благополучия.

Список источников

1. Караяни А.Г. Психология боевого стресса и стресс-менеджмента: учебник для вузов / А.Г. Караяни. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2025. С. 145.
2. Грозная Т.А. Диагностика и психокоррекция эмоциональной сферы личного состава // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 2. С. 56-59.
3. Кулакова М.В. Особенности использования методов психокоррекции с целью оптимизации процесса психологической адаптации военнослужащих, проходящих службу по призыву // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59). С. 127-130.
4. Мельников В.И., Столяров А.А. Основы психопрофилактики и психокоррекции стресса у сотрудников (военнослужащих) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2001. № 1. С. 83-87.

5. Кузнецова Л.Э., Черепанов Р.В. Психологическое сопровождение военнослужащих с посттравматическим стрессовым расстройством, переживших экстремальные ситуации профессиональной деятельности // Гуманизация образования. 2018. № 5. С. 124-129.
6. Кузнецова М.А. Сопровождение военнослужащих, участвующих в военных операциях // Вестник ТГУ. 2021. № 1. С. 59-75.
7. Леонтьев О.В., Москаленко Г.В., Яковлев Е.В. Система восстановления психоэмоционального состояния военнослужащих запаса с наиболее распространенными заболеваниями системы кровообращения // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2018. № 2. С. 164-168.
8. Солдатова О.Ю. Особенности адаптации военнослужащих по призыву и организация психологического сопровождения адаптационного процесса // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2019. № 4. С. 44-51.
9. Божович Л.И. Устойчивость личности, процесс и условия её формирования // Материалы XVIII Международного психологического конгресса. Симпозиум 35: Формирование личности в коллективе. М., 1966. С. 101-111.
10. Варваров В.В. Об оценке психологической устойчивости // Военный вестник. 1982. № 1. С. 52-57.
11. Корчемный П.А., Елисеев А.П. Психологическая устойчивость в чрезвычайных ситуациях: курс лекций в 3-х частях. Новогорск: Академия гражданской защиты, 2000. 167 с.

References

1. Karayani A.G. Psychology of Combat Stress and Stress Management: Textbook for Universities / A.G. Karayani. 2nd ed. M.: Yurayt Publishing House, 2025. P. 145.
2. Groznaya T.A. Diagnostics and Psychocorrection of the Emotional Sphere of Personnel // Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies. 2007. No. 2. P. 56-59.
3. Kulakova M.V. Features of using methods of psychocorrection in order to optimize the process of psychological adaptation of military personnel serving on conscription // Bulletin of KemSU. 2014. No. 3 (59). P. 127-130.
4. Melnikov V.I., Stolyarov A.A. Fundamentals of Psychoprophylaxis and Psychocorrection of Stress in Employees (Military Personnel) // Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies. 2001. No. 1. P. 83-87.
5. Kuznetsova L.E., Cherepanov R.V. Psychological Support for Military Personnel with Post-Traumatic Stress Disorder Who Have Experienced Extreme Professional Situations // Humanization of Education. 2018. No. 5. P. 124-129.
6. Kuznetsova M.A. Accompanying Military Personnel Participating in Military Operations // Vestnik TSU. 2021. No. 1. P. 59-75.
7. Leontiev O.V., Moskalenko G.V., Yakovlev E.V. The system of restoration of the psychoemotional state of reserve military personnel with the most common circulatory system diseases // Scientific and analytical journal "Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia". 2018. No. 2. P. 164-168.
8. Soldatova O.Yu. Features of adaptation of conscripted military personnel and the organization of psychological support for the adaptation process // Bulletin of the Moscow Information Technology University – Moscow Architectural and Construction Institute. 2019. No. 4. P. 44-51.
9. Bozhovich L.I. Personality Stability, the Process and Conditions of Its Formation // Materials of the XVIII International Psychological Congress. Symposium 35: Formation of Personality in a Group. M., 1966. P. 101-111.

10. Varvarov V.V. On the Assessment of Psychological Stability // Military Bulletin. 1982. No. 1. P. 52-57.

11. Korchemny P.A., Yeliseyev A.P. Psychological resilience in emergency situations: course of lectures in 3 Parts. Novogorsk: Academy of Civil Protection, 2000. 167 p.

Информация об авторе

Соловьева Ольга Викторовна, Сибирский центр психологической и правовой помощи ветеранам и участникам боевых действий, членам их семей, военнослужащим и гражданским лицам (630047, Новосибирск, ул. Северная, 10).

Information about the author

Olga V. Solovyova, Siberian center for psychological and legal assistance to veterans and combatants, their families, military personnel, and civilians (630114, Novosibirsk, ul. Severnaya, 10).

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 12.06.2025; принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 26.05.2025; approved after reviewing 12.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Научная статья

УДК 378.178

EDN: <https://elibrary.ru/SLXYND>

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ БОЙЦОВ РОСГВАРДИИ В ЦЕЛЯХ ВЫЯВЛЕНИЯ ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

Чудаков Александр Юрьевич¹

Утюганов Алексей Анатольевич²

Бондаренко Сергей Анатольевич³

^{1, 2, 3} Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹chief.chudakov@yandex.ru, ²outioganov@mail.ru, ³givi1969@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы актуальной проблемы формирования психической устойчивости бойцов Росгвардии в ходе учебной и служебно-боевой подготовки. Выявлены и представлены актуальные подходы к понятию «морально-психологическое состояние». Намечены пути, позволяющие выявлять на ранней стадии «патопсихологические» состояния и проводить их коррекцию.

Ключевые слова: психофизиологическое обеспечение, военнослужащие войск национальной гвардии, боевая подготовка, служебно-боевые задачи, морально-психологическое состояние, социально-психологический фактор, психическая устойчивость, отклоняющее поведение, патопсихологические состояния, моральный дух.

Для цитирования: Чудаков А.Ю., Утюганов А.А., Бондаренко С.А. Психофизиологическое обеспечение боевой подготовки бойцов Росгвардии в целях выявления патопсихологических состояний // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 2 (7). С. 29-39.

PSYCHOPHYSIOLOGICAL SUPPORT FOR COMBAT TRAINING OF FIGHTERS OF THE RUSSIAN GUARD IN ORDER TO IDENTIFY PATHPSYCHOLOGICAL CONDITIONS

Alexander Yu. Chudakov¹, Alexey A. Utyuganov², Sergey A. Bondarenko³

^{1, 2, 3} Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops, St. Petersburg, Russia

¹chief.chudakov@yandex.ru, ²outioganov@mail.ru, ³givi1969@rambler.ru

Abstract. The article discusses the issues of the urgent problem of the formation of the mental stability of Rosgvardiya soldiers during training and combat service training. Current approaches to the concept of "moral and psychological state" are identified and presented. Ways have been outlined to identify "pathopsychological" conditions at an early stage and to correct them.

Keywords: psychophysiological support, military personnel of the National Guard troops, combat training, service and combat tasks, moral and psychological state, socio-psychological factor, mental stability, deviant behavior, pathopsychological conditions, morale.

For citation: Chudakov A.Yu., Utyuganov A.A., Bondarenko S.A. Psychophysiological support for combat training of fighters of the Russian guard in order to identify pathopsychological conditions // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 2 (7). P. 29-39.

Введение

Бойцы Росгвардии на всех этапах своего исторического развития традиционно славились высокими боевыми и морально-нравственными качествами, искусством подготовки и ведения боя, были сильны телом и духом, воспитывались в любви к своей Родине, преданности своему народу, патриотизме, чувстве долга и воинской чести [15]. В последнее время выполняемые военнослужащими войск национальной гвардии России в зоне специальной военной операции (СВО) учебно-боевые и служебно-боевые задачи отличаются особой экстремальностью, жёсткостью и жестокостью, причём степень непосредственной опасности для жизни военнослужащих постоянно возрастает. Бойцам Росгвардии приходится выполнять служебно-боевые задачи по участию в демилитаризации Украины, в ликвидации фашизма, национализма, экстремизма и терроризма в форме крупномасштабных боевых действий [13, 14].

В нормативных документах по психофизиологическому обеспечению деятельности войск национальной гвардии (ВНГ) РФ регламентируется, что при осуществлении психофизиологического отбора проводятся исследования подготовленными специалистами по определению категорий профессиональной пригодности (профпригодности) кандидатов [5, 7, 9]. Данные исследования направлены на определение категорий профпригодности, где основным критерием является степень сформированности личностных и профессиональных качеств военнослужащих и сотрудников ВНГ РФ. Их оценка необходима для определения способности конкретной личности выполнять свои профессиональные (должностные, служебные) обязанности в любых условиях обстановки, а также выявления наличия или отсутствия у неё негативных факторов (факторов риска). Как правило, исследованию подлежат следующие качества личности:

1. Интеллект. Исследованию подлежит способность к логическим построениям исследуемой информации, доходчиво, четко и

понятно излагать ее в устной речи и письменной форме.

2. Воля. Оценивается выдержка, решительность действий в сложных условиях, преданность, целеустремленность в достижении поставленной цели, выносливость, ответственность и работоспособность.

3. Сформированность личности. Способность брать на себя ответственность за принятые решения, умение выделять главное направление действий, расставлять приоритеты, реально оценивать собственные силы и самостоятельно решать поставленные задачи, критическая самооценка.

4. Нравственность. То есть честность в общении с командирами и товарищами, высокие моральные принципы, высокая степень нравственных убеждений.

5. Адаптация к внешним факторам. Определяется устойчивость к внешним и внутренним воздействиям, дисциплинированность и контроль своих действий, уравновешенность.

6. Мотивация. Оценивается желание служить в ВНГ РФ, мотивы поступления на военную службу (для сотрудников – службу).

Психофизиологическое обеспечение боевой подготовки позволяет определять качественную характеристику психоэмоционального состояния военнослужащих и сотрудников ВНГ РФ. Оно формируется под воздействием различных внешних факторов окружающей действительности и от которого зависит способность рассматриваемой личности выполнять задачи повседневной и служебно-боевой деятельности в любых условиях обстановки [7].

Основная часть

Процесс боевой подготовки во время воинских учений, при ведении локальных войн и специальных военных (контртеррористических) операций сопровождается значительным нервно-эмоциональным и физическим напряжением военнослужащих (и особенно при подготовке перед направлением в зону СВО), что может привести к выраженному снижению профессиональной работоспособности [1, 4, 12]. Поэтому для

сохранения высокого уровня боеспособности частей и подразделений Росгвардии необходимо решение задач психофизиологического и медицинского обеспечения профессиональной деятельности военнослужащих в ходе тренировок и служебно-боевой подготовки. Психофизиологическое и медицинское обеспечение профессиональной деятельности военнослужащих войск национальной гвардии в период служебно-боевой подготовки осуществляется с целью повышения эффективности процесса обучения личного состава, поддержания высокой боевой готовности частей и подразделений, сохранения профессионального здоровья бойцов, а также в целях выявления патопсихологических состояний и девиантного поведения [2, 6, 11].

Основными задачами психофизиологического и медицинского обеспечения профессиональной деятельности (подготовки) военнослужащих при проведении плановой боевой подготовки и подготовки перед вводом в зону СВО являются:

- профессиональный психофизиологический отбор и рациональное распределение (перераспределение) военнослужащих по военно-учётным специальностям и по подразделениям;

- медико-психологическое сопровождение учебно-боевой и служебно-боевой подготовки в частях (подразделениях);

- выявление лиц с признаками затруднения военно-профессиональной адаптации, дезадаптационными, патопсихологическими расстройствами и девиантным поведением;

- проведение мероприятий медико-психологической и педагогической коррекции.

В период плановой служебно-боевой подготовки задачи медико-психологического и педагогического обеспечения выполняют военные психологи, военные врачи, офицеры-воспитатели и заместители командиров по военно-политической работе, нештатные медико-психологические группы соединений (далее – «группы»), отделения медико-психологической коррекции (МПК)

при ОВГ («отделения» при окружном военном госпитале) [5]. Военные психологи, военные врачи и офицеры-воспитатели ведут постоянную работу по изучению личностных особенностей военнослужащих части, выявлению лиц, обладающих низким уровнем интеллектуального развития и низкой нервно-психической устойчивостью, склонных к девиантному и аддиктивному поведению, нуждающихся в медико-психологической и педагогической помощи, и при наличии специальной подготовки и профессионального опыта осуществляют мероприятия психофизиологической коррекции. Нештатные медико-психологические группы функционируют в период прибытия молодого пополнения, а также при проведении мероприятий, предусмотренных планом служебно-боевой подготовки, проводимых в рамках медико-психологического сопровождения процесса тренировок и боевой подготовки, в том числе и плановых проверок командирами соединений, подчинённых им частей и подразделений. Задачи отделения МПК при ОВГ в период плановой служебно-боевой подготовки частей и соединений округа национальной гвардии заключаются в проведении профессионального психофизиологического отбора, оценки боеспособности частей и соединений на основе изучения психофизиологических особенностей личного состава, медико-психологической и педагогической коррекции военнослужащих. Свои задачи отделение МПК осуществляет непосредственно в частях. Профессиональный психофизиологический отбор и рациональное распределение военнослужащих, прибывших для пополнения в воинскую часть (соединение), включает оценку функционального состояния организма, уровня физической и профессиональной подготовленности, а также изучение психофизиологических особенностей личности. Задачами отделения (группы) МПК на данном этапе является:

- обеспечение рационального распределения молодого пополнения по специально-

стям в зависимости от личностных особенностей, профессиональной подготовки и состояния здоровья;

- комплектование подразделений с учётом психологической совместимости военнослужащих.

Медико-психологическое и педагогическое сопровождение плановой служебно-боевой подготовки осуществляется с целью повышения эффективности учебного процесса, повышения боеготовности подразделения и в целях предупреждения срывов военно-профессиональной адаптации [1, 6, 8, 10, 12]. Основными задачами медико-психологического и педагогического сопровождения на этапе плановой служебно-боевой подготовки являются:

- выявление лиц с признаками затруднения военно-профессиональной адаптации и дезадаптационными расстройствами;

- углублённое социально-психологическое изучение и психофизиологическое обследование военнослужащих с признаками затруднения военно-профессиональной адаптации и дезадаптационных расстройств в целях разработки рекомендаций и предложений по проведению с ними психокоррекционных мероприятий;

- разработка рекомендаций (при необходимости) по рациональному перераспределению военнослужащих на специальности (должности), соответствующие особенностям индивидуально-психологического и психофизиологического развития;

- проведение психокоррекционных мероприятий с военнослужащими, у которых отмечено снижение функционального состояния организма;

- проведение мероприятий морально-психологической подготовки личного состава;

- разработка рекомендаций командирам частей и подразделений по работе с военнослужащими, склонными к нарушению воинской дисциплины, аддиктивному и девиантному поведению, предъявляющими жалобы на состояние здоровья, испытывающими затруднения в профессиональной сфере и в общении с сослуживцами.

Основой для выявления военнослужащих, испытывающих затруднения в военно-профессиональной адаптации и нуждающихся в психологической и медико-психологической помощи, являются результаты постоянного динамического наблюдения и периодического скринингового обследования личного состава части, включая и офицеров, проводимых психологом воинской части или нештатной группы соединения в процессе выполнения мероприятий, предусмотренных планом служебно-боевой подготовки соединения [3, 5, 11]. К проведению динамического психофизиологического наблюдения за военнослужащими привлекаются командиры подразделений и офицеры-воспитатели. С этой целью психологом части разрабатывается для всех офицеров части форма журнала «Психолого-педагогических наблюдений». Штатный (нештатный) психолог на совещаниях с командирами подразделений обсуждает эмоциональное состояние, проблемы поведения и воспитания личного состава. Данные совещания проводятся еженедельно. Скрининговые обследования личного состава проводятся два раза в год, а при необходимости и чаще. Целью данного обследования является оценка морально-психологического состояния социально-психологических факторов, психическая устойчивость и боеготовность личного состава. Результаты обследования докладываются психологом командиру части.

С военнослужащими срочной службы и военнослужащими, проходящими службу по контракту, испытывающими затруднения в военно-профессиональной адаптации, проводится углублённое психофизиологическое и медицинское обследование (особенно у военнослужащих, которые были в зоне СВО, принимали непосредственное участие в боевых действиях, имели ранения, контузии, ожоги, с признаками посттравматических стрессовых расстройств – ПТСР, патопсихологических состояний и отклоняющегося поведения) [2, 8, 9, 11, 16, 17]. Также целью этих обследований служит оценка

адаптационных возможностей личности, наличие функциональных резервов организма, выявление основных причин, вызывающих затруднение военно-профессиональной адаптации и реабилитации после травм, разработка методов оказания своевременной индивидуальной медико-психологической помощи [17, 18, 19]. Углублённое психофизиологическое обследование проводится штатным (нештатным) психологом при участии врача части или с приглашением врача-психоневролога медико-санитарного батальона (роты), военной поликлиники.

В результате проведенного обследования выявляются военнослужащие, достигшие преморбидного психофизиологического состояния и которые нуждаются в помощи специалистов. С целью оказания медико-психологической помощи (коррекции и реабилитации) по решению командира части формируются группы психологической коррекции [16, 17, 18]. Занятия с военнослужащими в этих группах проводит психолог в течение 1,5-2 часов групповым методом. Общий цикл – 5-7 занятий (10-15 часов). Военнослужащие, привлекаемые для занятий в группах психологической коррекции, на весь период цикла освобождаются от несения караульной службы и нарядов. Решением командира части устанавливаются дни, когда психолог осуществляет целенаправленное консультирование личного состава (как правило, 3 дня в неделю, в послеобеденное время).

Военнослужащие, у которых отмечается ухудшение функционального состояния организма, а также с признаками пограничных состояний (с ПТСР, перенесших контузию и т.д.) направляются для оказания медико-психологической помощи в медико-санитарный батальон [9]. Офицеры, нуждающиеся в медико-психологической помощи, по рекомендации психолога части направляются начальником медицинской службы на приём к специалисту отделения медико-психологической коррекции ОВГ. После осмотра специалистом военнослужащий может быть направлен на стационарное лече-

ние. Показаниями к стационарному обследованию и лечению являются:

- выраженная невротическая симптоматика, особенно на фоне бывших черепно-мозговых травм, ранений, ожогов и заболеваний;
- психотическая реакция (патопсихологические состояния, выраженные проявления ПТСР, повышенная раздражимость и возбудимость);
- элементы девиантного, аддиктивного и делинквентного поведения;
- ухудшение функционального состояния организма, препятствующее успешному выполнению служебных обязанностей (нарушения сна, потеря аппетита, выраженная потеря веса, резкие нарушения со стороны зрения и слуха).

В процессе стационарного обследования и лечения военнослужащие, нуждающиеся в медико-психологической помощи, проходят углублённое обследование врачами-специалистами. Мероприятия медико-психологической коррекции при стационарном лечении в МСБ осуществляет врач-психоневролог, а при лечении в ОВГ осуществляют специалисты МПК.

Отделение МПК при ОВГ организует свою работу в соответствии с годовым планом работ. Специалисты отделения в период плановой боевой подготовки преимущественно работают в конкретных частях и соединениях для выявления факторов риска [2, 7, 11]. Их наличие у личного состава является основанием для проведения углубленного обследования. К факторам риска развития патопсихологических состояний относятся:

1. Алкоголизм или невоздержанность в употреблении алкогольной продукции.
2. Курение. Злоупотребление курением, а именно курение, превышающее 30-40 сигарет в день, указывает на наличие психосоматических изменений в психике человека.
3. Наркомания и токсикомания. Выявляется при проведении обследований или запросами в соответствующие организации. К этому фактору также относится злоупо-

требление лекарственными препаратами, в том числе и сильнодействующими, препаратами снотворного действия и др.

4. Татуировки. Наносимые в чрезмерном количестве татуировки, особенно на открытые участки тела, указывают на наличие психических заболеваний, например, таких как селфхарм, аутоагрессия и др.

5. Преступная деятельность. Подозрения о возможном участии в преступной деятельности или контактах с подобными организациями, покупка и реализация наркотиков и психотропных веществ, оружия и боеприпасов и другие незаконные действия. Также к данному фактору можно отнести наличие снятой или погашенной судимости (то есть ранее совершенные деяния уголовного характера), частые административные нарушения и др.

6. Участие в незаконных объединениях и шествиях. К этому фактору также относится попытка вступления в ряды ВНГ РФ в интересах запрещенных объединений.

7. Конфликт интересов. Умышленное сокрытие сведений о своих доходах, доходах членов семьи, имеющих кредитных обязательствах и др.

8. Персональные данные. Сокрытие в корыстных интересах анкетных данных.

9. Агрессия и самоагрессия. Склонность к агрессии по отношению к окружающему обществу, проявление агрессии к самому себе (порезы на предплечьях, прижигания кожи сигаретами, удары головой и кулаками о стену, шрамирование и пирсинг), в том числе достигающие суицидального характера и др.

При этом основными задачами отделения МПК являются:

- выявление лиц, остро нуждающихся в медико-психологической, психоневрологической или психиатрической помощи;
- проведение мероприятий медико-психологической коррекции и реабилитации;
- оценка (при необходимости) боеспособности личного состава на основе индивидуально-психологических особенностей личности каждого военнослужащего;

- выявление факторов риска развития патопсихологических состояний и ухудшение морально-психологического состояния, выявление заболеваний, постановка предварительного диагноза, направление на дальнейшее обследование и лечение, представление на военно-врачебную комиссию для вынесения экспертного заключения о целесообразности дальнейшей службы данного военнослужащего.

Одной из основных проблем современного состояния военно-политического обеспечения является неустойчивый уровень психосоматического и морального состояния военнослужащих и сотрудников, что снижает успешность выполнения поставленных боевых, служебно-боевых и служебных задач. Необходим их качественный учет для успешного управления подразделениями в любых условиях повседневной и боевой деятельности войск [10, 13]. Проводимая в ВНГ РФ военно-политическая работа в первую очередь направлена на повышение психологической устойчивости к внешним проявлениям военной службы (службы), а социальная защита – на убежденность военнослужащих и сотрудников в правильности выбранной профессии, уверенность в действиях политического руководства страны в области обороны и безопасности нашего государства. Это способствует появлению у личного состава войск положительной мотивации к военной службе (службе) и знательности к беспрекословному выполнению требований Конституции РФ, нормативных правовых актов и приказов всех уровней.

При работе в воинских частях специалисты отделения МПК определяют порядок и план своей работы с командиром части и осуществляют практические мероприятия в тесном сотрудничестве с психологом части, с нештатной медико-психологической группой и с начальником медицинской службы части. По прибытии в часть специалисты знакомятся с результатами работы психолога, офицеров-воспитателей и начальника медицинской службы по изучению индиви-

дуально-психологических особенностей личного состава части, анализируют структуру заболеваемости военнослужащих и при необходимости проводят психофизиологическое обследование всех военнослужащих части, включая офицеров и прапорщиков, с целью выявления группы риска, то есть лиц, склонных к нервно-психическим срывам, с патопсихологическими признаками, нуждающихся в высококвалифицированной и специализированной медико-психологической и психоневрологической помощи (коррекции и реабилитации) [16, 18, 19].

В случае, если отделению поставлена задача оценить на основе индивидуально-психологических особенностей боеспособность отдельных военнослужащих, то психофизиологическое обследование личного состава проводится обязательно, включая командование части, независимо от предыдущих результатов, представленных отделению МПК психологом части. В интересах углублённого изучения особенностей психического развития военнослужащих группы риска используется тест СМИЛ (Стандартизированный многофакторный Метод Исследования Личности) и проводится индивидуальное собеседование [3, 5, 8].

После выявления военнослужащих, нуждающихся в высококвалифицированной и специализированной медико-психологической (психоневрологической или психиатрической) помощи, начальник отделения МПК совместно с командованием части определяет порядок направления на госпитализацию этой категории военнослужащих для проведения психокоррекционных мероприятий. Лица с лёгкими нарушениями, не нуждающиеся в госпитализации, направляются в группы для проведения психокоррекционных мероприятий в отделении МПК в форме групповой или индивидуальной психотерапии. При этом общий цикл занятий (сеансов) составляет, как правило, 8-10 посещений по 1,5-2 часа. Параллельно с психокоррекционными мероприятиями проводятся мероприятия психотерапевтического

коррекции. После окончания работы отделения МПК воинской части составляется отчет о всех проведенных мероприятиях, а начальник отделения докладывает результаты работы по команде командиру части.

Заключение

Военно-политическая работа воинской части в первую очередь направлена на повышение психологической готовности личного состава к выполнению своих функциональных обязанностей, где красной линией проходит морально-психологическая подготовка. Морально-психологическая подготовка является частью боевой подготовки личного состава и заключается в целенаправленном развитии личностных качеств, определяющих эффективность деятельности военнослужащих при ведении боевых действий [15, 18, 19]. Условно морально-психологическая подготовка подразделяется на морально-волевую и морально-нравственную. Морально-нравственная подготовка осуществляется в процессе воинского воспитания и в системе занятий по общественно-гуманитарной подготовке. Цель морально-нравственной подготовки состоит в разъяснении военнослужащим задач и предназначения войск национальной гвардии РФ, воспитания личной ответственности за безопасность Родины.

Морально-волевая подготовка личного состава осуществляется в процессе военно-профессиональной и специальной психологической подготовки. В процессе военно-профессиональной подготовки разъясняются преимущества и недостатки вооружения и военной экипировки как своего, так и вероятного противника; формируются устойчивые навыки ведения боевых действий и работы на боевой технике; отрабатываются боевые нормативы, что в целом вселяет в личный состав уверенность в свои силы и в надёжность своего оружия. В процессе военно-профессиональной подготовки при отработке служебно-боевых задач должны широко использоваться средства психологического воздействия (например, спецэф-

фекты – имитаторы стрельбы, взрывов, разрывов, шум моторов, вспышки света и т.д.) [16, 17].

Специальная психологическая подготовка предназначена для обучения военнослужащих войск национальной гвардии России навыкам саморегуляции своего психического состояния. Специальная психологическая подготовка осуществляется и с офицерами в системе командирской подготовки (не менее 40 часов в год), с военнослужащими срочной службы и служащими по контракту – 30 часов в учебный период.

Исследования показали, что военнослужащие, разделенные на группы по степени нервно-психической устойчивости (НПУ), имеют незначительные отличия в работе сердечно-сосудистой системы и системы органов дыхания. Также у них нет значительных отличий по параметрам и динамики развития нервных и психических процессов. Однако у личного состава, имеющего неудовлетворительную НПУ, происходят наибольшие отклонения физиологических функций организма и психических процессов нервной системы. Находясь в условиях

военно-профессиональной деятельности при повышенных психических и физических нагрузках, у военнослужащих наибольшее участие в адаптации к военной службе принимает симпатическая нервная система. Также выявлены принципиальные отличия различных психоневрологических характеристик, таких как личностная неуверенность и тревожность, причудливость поведения (эксцентричность), вегетативный баланс, концентричность и др. Отношение к военной службе, определявшееся вербально, и экспертная оценка успешности военно-профессиональной адаптации у групп с различным уровнем НПУ практически не отличаются.

Таким образом, органы военно-политической работы, а также командиры и начальники всех уровней обязаны в своей деятельности использовать различные методы психологической и педагогической коррекции. Их применение позволит компенсировать в некоторой степени неблагоприятные изменения в нервно-психическом состоянии военнослужащих рассматриваемой группы.

Список источников

1. Алексеев С.В., Вязицкий П.О., Голуб В.И. и др. Военная гигиена в условиях локальных войн; под ред. С.А. Лопатина, М.В. Неженцева, В.Г. Найды. СПб.: СПб ПМИ, 1995. 338 с.
2. Балабанова Л.М. Судебная патопсихология. Харьков: «Сталкер», 1998. 432 с.
3. Блейхер В.М., Крук И.В., Боков С.Н. Практическая патопсихология. Ростов н/Д.: «Феникс», 1996. 446 с.
4. Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. М., 1989. 231 с.
5. Новиков В.С., Боченков А.А. Теоретические и прикладные основы профессионального психологического отбора военнослужащих. СПб.: ВМедА, 1997. 188 с.
6. Платонов К.К. Методологические проблемы медицинской психологии. М.: «Медицина», 1997. 95 с.
7. Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 16 ноября 2016 г. № 357 «Об утверждении Инструкции об организации и проведении профессионального психологического отбора в войсках национальной гвардии Российской Федерации». (Зарегистрирован 12.12.2016 г. № 44651).
8. Чудаков А.Ю., Лытаев С.А., Гайворонская В.В. Судебно-медицинская экспертиза суицида. Введение в проблему, некоторые психофизиологические и социальные аспекты / Сер. Теория и методика профессионального обучения и воспитания взрослых. СПб., 2022. 58 с.

9. Чудаков А.Ю., Гальцев Ю.В., Горелов А.А. О возможности экспертной оценки степени тяжести вреда здоровью, причинённого человеку воздушной взрывной ударной волной при отсутствии на его теле каких-либо видимых наружных телесных повреждений // Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой и профессионально-прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел: материалы Международной научно-практической конференции. СПб., 2022. С. 661-665.
10. Вертаев А.В., Чудаков А.Ю., Анохин Р.В. Преодоление стресса в экстремальных условиях // Научные дискуссии в области гуманитарных наук: материалы XXXVII Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2023. С. 111-114.
11. Чудаков А.Ю., Чудакова П.А. Формы девиантного поведения подростков. В сборнике научных трудов. СПб., Самара, 2023. С. 107-135.
12. Чудаков А.Ю., Гальцев Ю.В., Гайворонская В.В. Адаптация человека к неблагоприятным условиям. В сборнике научных трудов. СПб., Самара, 2023. С. 51-64.
13. Чудаков А.Ю., Вертаев А.В., Волосников Е.В. Информациология и информационные технологии в ходе проведения специальной военной операции // Актуальные вопросы повышения эффективности огневой подготовки в силовых структурах: теория и практика (IV Макаровские чтения): Всероссийский сборник научно-практических материалов конференции. Пермь, 2024. С. 302-306.
14. Бондаренко С.А., Прасолов В.Н., Дарбинян Э.В. Пути повышения эффективности подготовки военных специалистов войск национальной гвардии Российской Федерации, выработанные в ходе межвузовской научно-практической конференции // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 3 (60). С. 307-314. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.60.306.
15. Бондаренко С.А., Прасолов В.Н., Дарбинян Э.В. Воспитательная работа в войсках НКВД в период Сталинградский битвы / Современная школа России. Вопросы модернизации, № 4 (41; т. 1), апрель 2022: материалы международного научного журнала. М., 2022. С. 176-179.
16. Утюганов А.А. Особенности смысловой сферы военнослужащих внутренних войск МВД России, переживших боевой стресс / А.А. Утюганов. Новосибирск: Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД РФ, 2013. 100 с.
17. Утюганов А.А. Смысловые компоненты переживания боевого стресса / А.А. Утюганов // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 3. С. 260-271.
18. Чудаков А.Ю., Утюганов А.А. Основы сохранения и восстановления боеспособности горных бойцов Росгвардии при действиях в особых условиях (введение в проблему) // Российский военно-психологический журнал. 2024. № 3 (5). С. 72-80.
19. Караяни А.Г., Чудаков А.Ю. Сравнительный анализ психологических последствий участия в боевых действиях военнослужащих в перманентно воюющих странах // Российский военно-психологический журнал. 2024. № 2 (4). С. 96-103.

References

1. Alekseev S.V., Vyazitsky P.O., Golub V.I., et al. Military hygiene in local wars: edited by S.A. Lopatin, M.V. Nezhentsev, V.G. Naida. St. Petersburg: St. Petersburg PMI, 1995. 338 p.
2. Balabanova L.M. Forensic pathopsychology. Kharkov: "Stalker", 1998. 432 p.
3. Bleikher V.M., Kruk I.V., Bokov S.N. Practical pathopsychology. Rostov n/D.: "Phoenix", 1996. 446 p.
4. Lebedev V.I. Personality in extreme conditions. M., 1989. 231 p.
5. Novikov V.S., Bochenkov A.A. Theoretical and applied foundations of professional psychological selection of military personnel. St. Petersburg: VMedA, 1997. 188 p.

6. Platonov K.K. Methodological problems of medical psychology. М.: "Medicine", 1997. - 95 p.
7. Order of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation dated November 16, 2016 No. 357 "On approval of the Instruction on the organization and conduct of professional psychological selection in the troops of the National Guard of the Russian Federation". (Registered on December 12, 2016 No. 44651).
8. Chudakov A.Yu., Lytaev S.A., Gaivoronskaya V.V. Forensic medical examination of suicide. Introduction to the problem, some psychophysiological and social aspects / Series. Theory and methodology of professional training and education of adults. St. Petersburg, 2022. 58 p.
9. Chudakov A.Yu., Galtsev Yu.V., Gorelov A.A. On the possibility of expert assessment of the severity of harm to health caused to a person by an air blast shock wave in the absence of any visible external bodily injuries on his body. In the collection: Current issues of improving tactical-special, fire and professional-applied physical training in the modern context of practical training of employees of internal affairs bodies. Proceedings of the international scientific and practical conference. St. Petersburg, 2022. P. 661-665.
10. Vertaev A.V., Chudakov A.Yu., Anokhin R.V. Overcoming stress in extreme conditions. In the collection: Scientific discussions in the field of humanities. Proceedings of the XXXVII All-Russian scientific and practical conference. Kazan, 2023. P. 111-114.
11. Chudakov A.Yu., Chudakova P.A. Forms of deviant behavior of adolescents. In a collection of scientific papers. Spb., Samara, 2023. P. 107-135.
12. Chudakov A.Yu., Galtsev Yu.V., Gaivoronskaya V.V. Human adaptation to adverse conditions. In a collection of scientific papers. Spb., Samara, 2023. P. 51-64.
13. Chudakov A.Yu., Vertaev A.V., Volosnikov E.V. Informatiology and information technology during a special military operation. In the collection: Actual issues of increasing the efficiency of fire training in law enforcement agencies: theory and practice (IV Makarov Readings): All-Russian collection of scientific and practical conference materials. Perm, 2024. P. 302-306.
14. Bondarenko S.A., Prasolov V.N., Darbinyan E.V. Ways to improve the efficiency of training military specialists of the troops of the National Guard of the Russian Federation, developed during the interuniversity scientific and practical conference // Business. Education. Law. 2022. No. 3 (60). P. 307-314. DOI: 10.25683 / VOLBI.2022.60.306.
15. Bondarenko S.A., Prasolov V.N., Darbinyan E.V. Educational work in the NKVD troops during the Battle of Stalingrad / "Modern school of Russia. Modernization issues", No. 4 (41; v. 1), April 2022: materials of the International scientific journal. М., 2022. P. 176-179.
16. Utyuganov A.A. Features of the semantic sphere of military personnel of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia who survived combat stress / A.A. Utyuganov. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute of Internal Troops named after Army General I.K. Yakovlev of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2013. 100 p.
17. Utyuganov A.A. Semantic components of experiencing combat stress / A.A. Utyuganov // Siberian Pedagogical Journal. 2011. No. 3. P. 260-271.
18. Chudakov A.Yu., Utyuganov A.A. Fundamentals of maintaining and restoring the combat capability of mountain fighters of the Russian Guard during operations in special conditions (introduction to the problem). Russian Military Psychological Journal. 2024. No. 3 (5). P. 72-80.
19. Karayani A.G., Chudakov A.Yu. Comparative analysis of the psychological consequences of military personnel participating in hostilities in permanently belligerent countries. Russian Military Psychological Journal. 2024. No. 2 (4). P. 96-103.

Информация об авторах

Чудаков Александр Юрьевич, доктор медицинских наук, профессор, академик МАНЭБ, академик МАИСУ, Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации (198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1).

Утюганов Алексей Анатольевич, доктор психологических наук, доцент, Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации (198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1).

Бондаренко Сергей Анатольевич, кандидат военных наук, доцент, Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации (198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1).

Information about the authors

Alexander Yu. Chudakov, doctor of medical sciences, professor, academician of MANEB, academician of MAISU, Military order of Zhukov academy of the national guard troops, (198206, St. Petersburg, ul. Letchika Pilyutova, 1).

Alexey A. Utyuganov, doctor of psychological sciences, associate professor, Military order of Zhukov academy of the national guard troops, (198206, St. Petersburg, ul. Letchika Pilyutova, 1).

Sergey A. Bondarenko, candidate of military sciences, associate professor, Military order of Zhukov academy of the national guard troops, (198206, St. Petersburg, ul. Letchika Pilyutova, 1).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 12.06.2025; принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 02.06.2025; approved after reviewing 12.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 811.11

EDN: <https://elibrary.ru/VIIQNB>

ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА НЕМЕЦКУЮ ВОЕННУЮ ТЕРМИНОЛОГИЮ

Власова Елена Ивановна

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

eliv12.05@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена влиянию английского языка на немецкую военную терминологию. В ней рассматривается процесс «американизации» профессиональной коммуникации в вооруженных силах Германии. Автор анализирует причины этого влияния, а также его последствия для немецкого военного дискурса. В статье проанализированы материалы официальных текстов бундесвера и приводятся примеры заимствований из английского языка.

Ключевые слова: военная терминология, профессиональная коммуникация, немецкий язык, английский язык, заимствования, англицизмы, бундесвер.

Для цитирования: Власова Е.И. Влияние английского языка на немецкую военную терминологию // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 2 (7). С. 40-48.

PHILOLOGICAL SCIENCES

THE INFLUENCE OF ENGLISH ON GERMAN MILITARY TERMINOLOGY

Elena I. Vlasova

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

eliv12.05@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the influence of the English language on German military terminology. It examines the process of "Americanization" of professional communication in the German armed forces. The author analyzes the causes of this influence, as well as its consequences for the German military discourse. The article analyzes the materials of the official texts of the Bundeswehr and provides examples of borrowings from the English language.

Keywords: military terminology, professional communication, German, English, borrowings, Anglicisms, Bundeswehr.

For citation: Vlasova E.I. The influence of english on german military terminology // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 2 (7). P. 40-48.

Актуальность темы обусловлена усилением глобализации и международной интеграции и участием Германии в международных военных коалициях, а также массовым проникновением англицизмов в военную терминологию, появлением новых способов

формирования военных терминов и формированием терминологических дублетов. Немаловажным фактором является потребность в подготовке профессиональных военных переводчиков, необходимость создания современных терминологических справочников и разработки методик преподавания военного перевода. Особую актуальность теме придает то, что процессы заимствования носят системный характер. При этом наблюдается тенденция к сохранению англоязычного написания даже при полной ассимиляции термина в немецком языке. Таким образом, актуальность темы определяется теоретическими аспектами изучения языковых процессов, а также практическими потребностями современной военной коммуникации и профессиональной подготовки специалистов.

Аспекты влияния английского языка на немецкую военную терминологию рассматриваются в исследованиях А.А. Пискаревой [1] и С.В. Соколова [2]. В последние годы появились исследования процесса англоязычной лексической интерференции в военных немецкоязычных текстах [3, 4, 5].

Однако до сих пор не было проведено всеобъемлющего исследования процесса проникновения английских заимствований в немецкоязычную военную терминологию. Данное исследование позволило бы углубить теоретические знания о лингвистических особенностях этой сферы и расширить возможности практического использования этих знаний.

Влияние английского языка на немецкую военную терминологию проявляется в большом количестве прямых и гибридных заимствований.

Прямые заимствования – это слова, которые практически полностью сохраняют свое оригинальное значение и форму при переходе из одного языка в другой. Проще говоря, это прямое копирование иностранных слов с минимальными изменениями, например, *Allrounder* – многоцелевое транспортное средство:

(1) *Unser Bergepanzer 3 Büffel ist ein Allrounder und elementares Arbeitsgerät.* (Наша бронированная ремонтно-эвакуационная машина *Bergepanzer 3 Büffel* является многоцелевым транспортным средством и элементарным рабочим инструментом) [6].

При гибридном заимствовании одна часть слова (корень, приставка или суффикс) берется из иностранного языка, вторая часть слова формируется с помощью морфем родного языка. При этом сохраняется значение исходного иностранного слова. А.А. Пискарева называет гибридные заимствования «смешанные образования (компози́ты)» [1, с. 95].

Гибридные заимствования являются результатом адаптации английского слова к немецкому языку, при этом сохраняя часть оригинальной формы и значение. Они представляют собой особый тип языкового смешения, где происходит комбинирование элементов разных языков в рамках одного слова, например, *Teamarbeit* – командная работа:

(2) *Teamarbeit, Kameradschaft und Disziplin haben Talmon, Theiner und Williamson in den ersten Monaten bei der Bundeswehr in Augustdorf schätzen gelernt.* (Командная работа, дух товарищества и дисциплина помогли Тальмону, Тейнеру и Уильямсону оценить первые месяцы службы в Бундесвере в Аугустдорфе) [7].

Тесная связь Германии с НАТО способствовала появлению в немецком военном лексиконе множества английских терминов для описания современного вооружения и новых типов оружия:

(3) *Eurofighter* – реактивный самолет: *Der Eurofighter ist ein einsitziges und allwetterfähiges Mehrzweckkampfflugzeug.* (*Eurofighter* – это одноместный и всепогодный многоцелевой боевой самолет) [8];

(4) *Utility Terrain Vehicle (UTV)* – универсальный транспорт повышенной проходимости, который используется для перевозки грузов и людей в сложных условиях: *Schnell, leicht und extrem geländegängig – das sind die wesentlichen Attribute des Leichten*

Luftlandefähigen Utility Terrain Vehicle (LL UTV). (Быстрый, легкий и чрезвычайно проходимый внедорожник – вот основные характеристики легкого десантируемого внедорожника (LL UTV) [9];

(5) Pumpgun – помповое ружье: *Die Pumpgun, offiziell bezeichnet als Mehrzweckflinte MZF1, zählt zu den Vorderschaft-Repetierflinten, auch als Schrotflinte bekannt. In der Bundeswehr wird die MZF1 ausschließlich von spezialisierten Kräften zum Öffnen von verschlossenen Türen eingesetzt.* (Помповое ружье, официально обозначаемое как многоцелевое ружье MZF1, относится к числу винтовок с продольно-скользящим затвором, также известных как дробовик. В Бундесвере MZF1 используется исключительно специализированными силами для открывания закрытых дверей) [10];

(6) Light Utility Helicopter Special Operations Forces (LUH SOFL) – специализированный легкий вертолет для сил специальных операций: *Der H145M ist ein Light Utility Helicopter Special Operations Forces (LUH SOFLight Utility Helicopter – Special Operation Forces), also ein leichter Mehrzweckhubschrauber für die Unterstützung von Spezialkräften.* (H145M – легкий вспомогательный вертолет сил специальных операций, то есть легкий многоцелевой вертолет для поддержки сил специальных операций) [11].

В названиях современного немецкого вооружения и военной техники встречается английская лексика: *Spezialsanitätsfahrzeug Husky* (специальный медицинский автомобиль «Хаски»), *beweglicher Arzttrupp Eagle* (передвижная медицинская группа «Орел»), *Flugabwehrsystem Mantis* (система ПВО «Богомол»), *Minidrohne Black Hornet* (миниатюрный военный беспилотник «Черный шершень»).

Англоязычные сокращения стали неотъемлемой частью названий технических средств бундесвера:

(7) *Kommunikationssystem SATCOMBw* (система спутниковой связи немецкой ар-

мии) – Bundeswehr's satellite communications system: *Ein Kernelement dafür ist das System SATCOMBw, mit dem Satellitenkommunikation weltweit in und aus Feldlagern heraus oder auch für mobile Gefechtsstände ermöglicht wird.* (Ключевым элементом для этого является система SATCOMBw, которая обеспечивает спутниковую связь по всему миру в полевых лагерях и за их пределами, а также на мобильных боевых постах) [12];

(8) *Manipulationsfahrzeug tEODor* (робот для обнаружения, идентификации и уничтожения взрывчатых боевых средств) – *telerob Explosive Ordnance Disposal and observation robot: Das Manipulationsfahrzeug tEODor ist ein ferngesteuerter Roboter.* (Манипулятор Теодор – это робот с дистанционным управлением) [13].

Большое количество англоязычных аббревиатур употребляется при обозначении названий ведомств, организаций, отделов, групп: *VJTF* (Объединенная оперативная группа повышенной готовности) – *Very High Readiness Joint Task Force*, *NRF* (Силы быстрого реагирования НАТО) – *NATO Response Force*, *CapCo IAMD* (Коалиция возможностей интегрированной противовоздушной и противоракетной обороны) – *Capability Coalition Integrated Air and Missile Defence*, *NFM* (новая модель сил альянса) – *New Force Model*, *TDD* (Отдел обучения и развития) – *Training Development Division*, *HQ AIRCOM* (NATO Allied Air Command) – Объединенное авиационное командование (центральное командование всех воздушно-космических сил НАТО).

Для участия бундесвера в антитеррористических и гуманитарных миссиях ООН и НАТО, проведения совместных учений и маневров требуется англоязычная унификация терминологических систем:

(9) *Enhanced Forward Presence (eFP)* – программа НАТО по усилению присутствия в Восточной Европе в рамках поддержки союзников: *Enhanced Forward Presence dient der Sicherung der Ostflanke der NATO. Deutschland hat die Führung der Battlegroup in Litauen.* (Программа НАТО по усилению

присутствия в Восточной Европе в рамках поддержки союзников предназначена для обеспечения безопасности восточного фланга НАТО. Германия возглавила боевую группу в Литве) [14];

(10) Iron Wolf, Resolute Stallion, Saber Strike, Flaming Thunder oder Eager Leopard – военные учения, которые являются частью программы усиленного переднего присутствия (enhanced Forward Presence) в рамках НАТО: *Iron Wolf, Resolute Stallion, Saber Strike, Flaming Thunder oder Eager Leopard – Gefechtsübungen sind ein wiederkehrendes Element der enhanced Forward Presence.* (Железный Волк, Решительный Жеребец, Сабельный Удар, Плавающий Гром или Стремительный Леопард – боевые упражнения являются постоянным элементом усиленного передового присутствия) [15];

(11) Standing NATO Maritime Group 2 (SNMG) – Постоянная морская группа 2 НАТО (постоянные морские силы немедленного реагирования НАТО): *Hierfür hat die NATO eine Einsatzgruppe der Standing NATO Maritime Group 2 (SNMG) in die Ägäis entsandt.* (Для этого НАТО направило в Эгейское море Постоянную морскую группу 2 НАТО) [16];

(12) NATO Security Assistance and Training Ukraine (NSATU) – Структура НАТО для помощи Киеву: *Zusätzlich beschlossen die Mitgliedstaaten der NATO auf ihrem Gipfel im Juli 2024 in Washington, die Mission NATO Security Assistance and Training for Ukraine (NSATUNATO-Stab für Sicherheitsunterstützung und Ausbildung für die Ukraine) als koordinierendes Element aufzustellen.* (Кроме того, государства-члены НАТО на своем саммите в июле 2024 года в Вашингтоне решили создать Миссию НАТО по содействию безопасности и обучению для Украины (NSATU – Штаб поддержки и обучения безопасности для Украины) в качестве координирующего элемента) [17].

В области компьютерных технологий и электронной коммуникации англоязычные термины стали международным стандартом

и неотъемлемой частью современной цифровой культуры, в том числе и в военной сфере, особенно в сфере войск защиты кибер- и информационного пространства (Cyber- und Informationsraum). Данный вид войск бундесвера является самым молодым подразделением. В последние годы наблюдается тенденция к усилению роли кибер- и информационных компонентов в общей структуре бундесвера, что отражает глобальные тенденции развития современных военных конфликтов. Войска защиты кибер- и информационного пространства отвечают за защиту военных компьютерных систем и сетей и проводят операции по обеспечению кибербезопасности.

В военной терминологии бундесвера используется обширный набор англоязычных компьютерных терминов:

- как базовые компьютерные термины:

(13) Computer (компьютер): *Um das alles zu ermöglichen, fließen alle Daten in einen Computer.* (Чтобы выполнить задачи, все данные поступают на компьютер) [18];

(14) Server (сервер): *Bei der Integration von Geoinformationsdiensten auf die mobilen Server des IT-Bataillons 282 ist für sie fachübergreifendes Teamwork und die Entwicklung einer „gemeinsamen“ Sprache besonders wichtig.* (При интеграции геоинформационных служб с мобильными серверами ИТ-батальона 282 для них особенно важна многопрофильная командная работа и разработка «общего» языка) [19];

(15) Software (программное обеспечение): *Schon im Januar 2022 erkannte der damalige Bataillonskommandeur das große Potenzial hinter der Software Yarded.* (Еще в январе 2022 года тогдашний командир батальона осознал огромный потенциал программного обеспечения Yarded) [20];

- так и термины кибербезопасности:

(16) Cyber Defense (киберзащита): *Auf dem NATO-Gipfel in Wales im September 2014 haben die Staats – und Regierungschefs beschlossen, dass “Cyber Defense“ eine der Kernaufgaben der NATO im Rahmen der Bündnisverteidigung ist.* (На саммите НАТО

в Уэльсе в сентябре 2014 года лидеры пришли к выводу, что «киберзащита» является одной из основных задач НАТО в рамках альянса) [21].

(17) Cyber Threat (киберугроза): *Wir in der Coordination Cell führen die eingehenden Informationen mit Erkenntnissen aus dem Media und Legal Team zusammen, reichern diese an und verfassen für die übergeordnete Ebene der Entscheider einen Situation Report, der einem allgemeinen Lagebericht entspricht, sowie einen technisch ausgerichteten Cyber Threat Intelligence Report.* (Мы в Координационной группе объединяем поступающую информацию с информацией, полученной от представителей СМИ и юридической команды, обогащаем ее и составляем отчет о ситуации, соответствующий общему отчету о ситуации, и технический отчет по анализу киберугроз для лиц, принимающих решения, для более высокого уровня лиц, принимающих решения) [22].

(18) Firewall (брандмауэр): *Am „Service Delivery Point“ mit angebundenem Patriot Phased Array Tracking Radar to Intercept on Target-Flugabwehrraketensystem zeigten die Soldatinnen und Soldaten, dass „Cyber“ nicht nur hinter der Firewall, sondern auch auf dem Gefechtsfeld eine immer größere Rolle spielt.* (В «Пункте оказания услуг» с подключенным радаром слежения Patriot с фазированной антенной решеткой для перехвата зенитно-ракетной системы «Цель» военнослужащие продемонстрировали, что «кибер» играет все более важную роль не только за брандмауэром, но и на поле боя) [23].

Широко употребляются в коммуникации бундесвера сетевые термины (IP Address (IP-адрес), Packet (пакет данных), Database (база данных) и т.д.), термины мониторинга и анализа (Log (журнал), Report (отчет) и т.д.), термины реагирования на инциденты (Security Breach (нарушение безопасности), Vulnerability (уязвимость) и т.д.), термины управления и командования (Command and Control (управление и контроль), Operational Readiness (операционная готовность) и т.д.), термины обучения и подготовки (Training (обучение), Exercise (учения) и т.д.)

Все эти термины активно используются в документации, обучении личного состава и повседневной деятельности подразделений киберзащиты бундесвера, что позволяет обеспечить высокий уровень профессиональной подготовки и эффективное взаимодействие с международными партнерами в сфере кибербезопасности.

Таким образом, английский язык оказывает значительное воздействие на формирование современной немецкой военной терминологии и представляет собой системный процесс, обусловленный конкретными факторами. Основными причинами влияния являются интеграция бундесвера в структуру НАТО и использование американской военной техники, а также отсутствие эквивалентных слов в немецком языке для обозначения новых понятий и технологий, особенно в сфере производства компьютеров и программного обеспечения. Данный процесс приводит к существенным изменениям в профессиональной коммуникации военнослужащих бундесвера.

Список источников

1. Пискарева А.А. Влияние англоязычной военной лексики на язык бундесвера как следствие глобализации // *Пространство и Время*. 2013. № 4 (14). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-angloyazychnoy-voennoy-leksiki-na-yazyk-bundesvera-kak-sledstvie-globalizatsii> (дата обращения: 31.03.2025).

2. Соколов С.В. Развитие и современное состояние немецкоязычной военной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 18 с. [Электронный ресурс]. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01006695110.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

3. Котлярова А.А. Англоязычная лексическая интерференция в языке немецких военных // Наука и общество в XXI веке: сборник материалов VII Всероссийского (с международным участием) научно-практического форума. М., 2024. С. 175-179.

4. Котлярова А.А. Процесс англоязычной лексической интерференции в современном немецком языке: на примере материалов прессы военно-аналитической направленности // Современное педагогическое образование. 2024. № 3. С. 350-353.

5. Бойко Б.Л., Котлярова А.А. Лексическая интерференция англицизмов в современном немецком языке: на примере прессы вооруженных сил Германии // Современное педагогическое образование. 2024. № 4. С. 338-341.

6. Bergen, abschleppen, rangieren // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/aktuelles/bergen-abschleppen-rangieren-5271294> (дата обращения: 31.03.2025).

7. „Ich kann mehr, als ich gedacht hätte“ // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/aktuelles/-ich-kann-mehr-als-ich-gedacht-haette-5085468> (дата обращения: 31.03.2025).

8. Eurofighter // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/ausruestung-technik-bundeswehr/luftsystemebundeswehr/eurofighter> (дата обращения: 31.03.2025).

9. LL UTV: Flitzer für Spezialisierte Kräfte // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/aktuelles/-ich-kann-mehr-als-ich-gedacht-haette-5085468> (дата обращения: 31.03.2025)

10. Die Pumpgun – ein Schlüssel der besonderen Art // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/ausruestung-technik-bundeswehr/ausruestung-bewaffnung/gewehr-mehrzweckflinte> (дата обращения: 31.03.2025).

11. Der H145M LUH SOF – ganz speziell für Spezialisten // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/ausruestung-technik-bundeswehr/luftsysteme-bundeswehr/h145m-luh-sof> (дата обращения: 31.03.2025).

12. SATCOMBw – Weltweit einsatzbereit // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/cyber-und-informationsraum/aktuelles/satcombw-weltweit-einsatzbereit-5392606> (дата обращения: 05.04.2025).

13. Bundeswehr unterstützt im Berliner Grunewald // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/streitkraeftebasis/aktuelles/bundeswehr-unterstuetzt-im-berliner-grunewald-5473812> (дата обращения: 05.04.2025).

14. Litauen – eFP und eVA // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence> (дата обращения: 05.04.2025).

15. Bündnisverteidigung an der Ostflanke // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/streitkraeftebasis/aktuelles/bundeswehr-unterstuetzt-im-berliner-grunewald-5473812> (дата обращения: 05.04.2025).

16. Die NATO-Unterstützungsmission in der Ägäis // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze/anerkannte-missionen/die-bundeswehr-im-aegaeisches-meer> (дата обращения: 05.04.2025).

17. NSATU-Stab für Sicherheitsunterstützung und Ausbildung für die Ukraine // Website der Bundeswehr. <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze/anerkannte-missionen/nsatu> (дата обращения: 05.04.2025).

18. Tesla Tender: Von Seekarte und Filzstift zum digitalen Lagebild // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/meldungen/tesla-tender-seekarte-filzstift-digitales-lagebild-5322116> (дата обращения: 05.04.2025).

19. Erfolgreiche Zusammenarbeit bei der Integration von Geoinformationsdiensten // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/cyber-und-informationsraum/uebungen-cir/vjtf-integration-von-geoinformationsdiensten-5103938> (дата обращения: 05.04.2025).

20. Software im Feldversuch // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/unterstuetzungsbereich/software-im-feldversuch-5732618> (дата обращения: 05.04.2025).

21. Intensivierung der deutsch-amerikanischen Kooperation im Bereich Cyber und Informationstechnik // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/resource/blob/1467690/728e2f22986b85a2feb69792f805d840/nv-31-2020-abt-iv-data.pdf> (дата обращения: 05.04.2025).

22. Coordination Cell - Frau D. // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/cyber-und-informationsraum/aktuelles/coordination-cell-frau-d-5406286> (дата обращения: 05.04.2025).

23. Das war der Tag der Bundeswehr in Murnau am Staffelsee // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/bundeswehr-erleben/veranstaltungen-bundeswehr/tag-bundeswehr-2023-murnau-5634494> (дата обращения: 05.04.2025).

References

1. Piskareva A.A. The influence of English-language military vocabulary on the language of the Bundeswehr as a consequence of globalization // Space and Time. 2013. No. 4 (14). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-angloyazychnoy-voennoy-leksiki-na-yazyk-bundesvera-kak-sledstvie-globalizatsii> (date of access: 31.03.2025).

2. Sokolov S.V. The development and current state of German-language military vocabulary: abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. M., 2013. 18 p. [Electronic resource]. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01006695110.pdf (date of access: 05.04.2025)

3. Kotlyarova A.A. English-language lexical interference in the language of the German military // Science and society in the 21st century: collection of materials of the VII All-Russian (with international participation) Scientific and Practical Forum. M., 2024. P. 175-179.

4. Kotlyarova A.A. The process of English-language lexical interference in modern German: on the example of military-analytical press materials // Modern pedagogical education. 2024. No. 3. P. 350-353.

5. Boyko B.L., Kotlyarova A.A. Lexical interference of Anglicisms in modern German: on the example of the German Armed Forces press // Modern pedagogical education. 2024. No. 4. P. 338-341.

6. Bergen, abschleppen, rangieren // Website der Bundeswehr. [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/aktuelles/bergen-abschleppen-rangieren-5271294> (date of access: 31.03.2025).

7. „Ich kann mehr, als ich gedacht hätte“ // Website der Bundeswehr. [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/aktuelles/-ich-kann-mehr-als-ich-gedacht-haette-5085468> (date of access: 31.03.2025).

8. Eurofighter // Website der Bundeswehr. [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/ausrustung-technik-bundeswehr/luftsystemebundeswehr/eurofighter> (date of access: 31.03.2025).

9. LL UTV: Flitzer für Spezialisierte Kräfte // Website der Bundeswehr. [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/aktuelles/-ich-kann-mehr-als-ich-gedacht-haette-5085468> (date of access: 31.03.2025).

10. Die Pumpgun – ein Schlüssel der besonderen Art // Website der Bundeswehr. [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/ausruestung-technik-bundeswehr/ausruestung-bewaffnung/gewehr-mehrzweckflinte> (date of access: 31.03.2025).
11. Der H145M LUH SOF – ganz speziell für Spezialisten // [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/ausruestung-technik-bundeswehr/luftsysteme-bundeswehr/h145m-luh-sof> (date of access: 31.03.2025).
12. SATCOMBw – Weltweit einsatzbereit // Website der Bundeswehr. [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/cyber-und-informationsraum/aktuelles/satcombw-weltweit-einsatzbereit-5392606> (date of access: 05.04.2025)/
13. Bundeswehr unterstützt im Berliner Grunewald // Website der Bundeswehr. [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/streitkraeftebasis/aktuelles/bundeswehr-unterstuetzt-im-berliner-grunewald-5473812> (date of access: 05.04.2025).
14. Litauen – eFP und eVA // Website der Bundeswehr. [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence> (date of access: 05.04.2025).
15. Bündnisverteidigung an der Ostflanke // Website der Bundeswehr. [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/streitkraeftebasis/aktuelles/bundeswehr-unterstuetzt-im-berliner-grunewald-5473812> (date of access: 05.04.2025).
16. Die NATO-Unterstützungsmission in der Ägäis // Website der Bundeswehr. [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze/anerkannte-missionen/die-bundeswehr-im-aegaeisches-meer> (date of access: 05.04.2025).
17. NSATU-Stab für Sicherheitsunterstützung und Ausbildung für die Ukraine // Website der Bundeswehr. [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze/anerkannte-missionen/nsatu> (date of access: 05.04.2025).
18. Tesla Tender: Von Seekarte und Filzstift zum digitalen Lagebild // Website der Bundeswehr. [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/meldungen/tesla-tender-seekarte-filzstift-digitales-lagebild-5322116> (date of access: 05.04.2025)
19. Erfolgreiche Zusammenarbeit bei der Integration von Geoinformationsdiensten // Website der Bundeswehr. [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/cyber-und-informationsraum/uebungen-cir/vjtf-integration-von-geoinformationsdiensten-5103938> (date of access: 05.04.2025)
20. Software im Feldversuch // Website der Bundeswehr. [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/unterstuetzungsbereich/software-im-feldversuch-5732618> (date of access: 05.04.2025).
21. Intensivierung der deutsch-amerikanischen Kooperation im Bereich Cyber und Informationstechnik // Website der Bundeswehr. [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/resource/blob/1467690/728e2f22986b85a2feb69792f805d840/nv-31-2020-abt-iv-data.pdf> (date of access: 05.04.2025).
22. Coordination Cell - Frau D. // Website der Bundeswehr. [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/cyber-und-informationsraum/aktuelles/coordination-cell-frau-d-5406286> (date of access: 05.04.2025)
23. Das war der Tag der Bundeswehr in Murnau am Staffelsee // Website der Bundeswehr. [Electronic resource]. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/bundeswehr-erleben/veranstaltungen-bundeswehr/tag-bundeswehr-2023-murnau-5634494> (date of access: 05.04.2025).

Информация об авторе

Власова Елена Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Elena I. Vlasova, candidate of philological sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch Kamyshenskoe plato, 6/2).

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 09.05.2025; принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 09.05.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Научная статья

УДК 81'42

EDN: <https://elibrary.ru/TKBRHM>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В АНГЛО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ МИЛИТАРНО-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Ульянова Ульяна Александровна¹

Ульянова Наталья Николаевна²

^{1, 2} Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация
¹uua_07@mail.ru, ²natascha297@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, цель которого заключалась в анализе изменения образа России, транслируемого в англо- и немецкоязычном милитарно-медийном дискурсе в ходе проведения Российской Федерацией специальной военной операции. Материалом исследования послужили аналитические статьи на английском и немецком языках, в которых освещается конфликт на Украине в период с апреля 2021 по февраль 2024 года. Результаты контекстуальной интерпретации показали, что при освещении событий специальной военной операции англо- и немецкоязычные средства массовой информации используют манипулятивные средства для формирования образа России, который выгоден странам коллективного Запада. В начале проведения специальной военной операции и до момента провала Украины в контрнаступлении англоязычный и немецкоязычный милитарно-медийный дискурс характеризовался крайней степенью враждебности по отношению к России и был «запрограммирован» США и странами коллективного Запада на разделение мира на «своих» и «чужих». После провала Украины в контрнаступлении образ России в англо- и немецкоязычном милитарно-медийном дискурсе поменялся с резко негативного на «условно нейтральный».

Ключевые слова: лингвистические средства манипуляции, образ России, милитарно-медийный англоязычный дискурс, милитарно-медийный немецкоязычный дискурс, идеологическая поляризация.

Для цитирования: Ульянова У.А., Ульянова Н.Н. Трансформация образа России в англо- и немецкоязычном милитарно-медийном дискурсе // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 2 (7). С. 49-60.

TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN IMAGE IN ENGLISH- AND GERMAN- LANGUAGE MILITARISED MASS MEDIA DISCOURSE

Ulyana A. Ulyanova¹, Natalya N. Ulyanova²

^{1, 2} Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
¹uua_07@mail.ru, ²natascha297@mail.ru

Abstract. The article presents the results of the research aimed at analyzing the changes in the image of Russia created by English- and German-language militarised mass discourse during the special military operation. The research material was obtained from English and German mass media articles covering the Ukraine conflict in the period from April 2021 to February 2024. The

results of the contextual interpretation showed when covering the events of the special military operation the manipulative means to form an image of Russia that is favorable to the collective West have been used by English- and German-language militarised mass media discourse. At the beginning of the special military operation and until Ukraine's failure in the counteroffensive, the English and German language militarised mass media discourse was characterized by an extreme degree of hostility towards Russia and was programmed by the United States and the collective West countries to divide the world into «us» vs. «them». After Ukraine's failure in the counter-offensive the image of Russia in the English-and German-language militarised mass media discourse has been changed from sharply negative to neutral.

Keywords: linguistic means of manipulation; the image of Russia, English-language militarised mass media discourse, German-language militarised mass media discourse, ideological polarization.

For citation: Ulyanova U.A., Ulyanova N.N. Transformation of the Russian image in english- and german-language militarised mass media discourse // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 2 (7). P. 49-60.

Введение

В современных вооруженных конфликтах противоборствующие стороны стремятся задействовать все средства и методы для уничтожения противника как на поле боя, так и в массмедийном пространстве.

Основная задача средств массовой информации заключается в том, чтобы не только осветить какое-либо событие, но и оказать идеологическое, агитационно-пропагандистское и манипулятивное воздействие на реципиента.

Ученые по-разному именуют массмедийный дискурс, который репрезентирован в текстах печатных СМИ, посвященных военной тематике. О.А. Солопова, М.С. Салтыкова оперируют понятием «военно-публицистический дискурс», под которым понимается гибридный формат институционального дискурса, сложившийся в среде массовой коммуникации, соотношенный с военной реальностью и репрезентирующий ее под влиянием экстралингвистического контекста [1, с. 766]. Н.Г. Складорова именует данный дискурс милитарно-медийным. В текстах милитарно-медийного дискурса помимо непосредственно военных действий отражаются также предшествующие или параллельно развивающиеся политические и экономические события, так или иначе связанные с рассматриваемым вооруженным конфликтом [2, с. 8-9].

В рамках конфликта на Украине милитарно-медийный дискурс играет важную роль, выступая не просто транслятором происходящего, но и инструментом воздействия на сознание противника для его когнитивного подавления и/или подчинения, поэтому основная цель информационно-психологического противостояния со стороны Запада состоит в создании негативного образа России.

Таким образом, становится очевидно, что современные англо- и немецкоязычные средства массовой информации выступают в качестве плацдарма или канала, используемого тем или иным государством для ведения информационно-психологического противостояния Российской Федерации. Современный англо- и немецкоязычный милитарно-медийный дискурс является поляризованным, что обусловлено «квази-господством» одного государства над другим, которое регламентирует удобную для себя политику иным странам, расчленяя при этом мировое сообщество на две (иногда более) противоборствующие стороны.

Именно поляризация дискурса позволяет, с одной стороны, представить себя с положительной стороны, а, с другой стороны, провести политическую контратаку [3, с. 243]. Поляризованный дискурс пропагандирует стереотипные представления об оппонентах, тем самым занижая его репута-

цию; способствует делению общества на две группы – «своих» (in-groups) и «чужих» (out-groups) [4, p.70-91; 5, p. 556-560]. Как отмечает А.А. Хабаров, идеологическая поляризация инициируется путем манипулятивного навязывания объекту воздействия идей и ценностей, утверждающих редуционистическое восприятие окружающей действительности сквозь призму категорий «свой-чужой» [6, с. 177].

Таким образом, следует отметить, что именно поляризованный милитарно-медийный дискурс выступает благодатной почвой для манипуляции. В отечественной лингвистической традиции манипуляция традиционно рассматривалась как вид речевого воздействия, который всегда подразумевает в качестве цели выгоду для субъекта манипуляции и определенный ущерб, который наносится объекту манипулирования [7, с. 74]. В рамках дискурса аналитического подхода С.Л. Кушнерук вслед за Т. Ван Дейком определяет манипуляцию в СМИ как дискурсивную социальную практику, в рамках которой манипулятор осуществляет контроль над людьми, как правило, против их воли или интересов, реализуемую посредством текстов, речи и визуальных образов [3, с. 255; 8, с. 60]. В немецкоязычной лингвистической традиции манипуляция выглядит следующим образом: «Manipulation ist das Steuern und die trickreiche Beeinflussung von Personen» [9, s. 2]. «Bei der Manipulation geht es nicht nur um Macht, sondern insbesondere um den Missbrauch von Macht, also die Domination. Manipulation ist eine illegale Beeinflussung durch den Diskurs. Auf diese Weise können Manipulatoren andere Menschen überzeugen oder sie zwingen, etwas im Interesse des Manipulators und gegen ihre eigenen Interessen zu tun [10, p. 110] (пер. авторов: Манипуляция – это не только власть, но, в частности, злоупотребление властью, это незаконное влияние посредством дискурса таким образом, что манипуляторы могут убедить других людей в чем-либо или заставить их сделать что-то в интересах манипулятора и против их собственных интересов).

Иными словами, перманентное значение манипуляции является резко негативным, цель которой заключается в контроле над людьми и умении воздействия на них посредством формирования необходимого мнения или провокации желаемого действия.

При освещении событий на Украине западными СМИ используются различные манипулятивные средства, которые ориентированы на позиционирование России как зачинщика конфликта. Данные средства используются для дистанцирования России от всего мирового сообщества.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения лингвистических средств манипуляции в милитарно-медийном дискурсе в диахроническом аспекте. Цель работы заключается в анализе манипулятивных средств создания образа России в англо- и немецкоязычном милитарно-медийном дискурсе в диахроническом аспекте. Объектом исследования выступает англо- и немецкоязычный милитарно-медийный дискурс. Предметом исследования являются лингвистические средства манипулирования, используемые для формирования образа России в диахроническом аспекте.

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования были использованы аналитические статьи из газет The Washington post, The New York Times, The Guardian, Die Welt, Der Spiegel, Der Tagesschau, журнала The Economist, новостных агентств CNN, Reuters, Politico за период с апреля 2021 по 2024 год, посвященные украинскому конфликту.

В работе фактологический материал исследования анализируется в определённой последовательности в соответствии с хронологией событий конфликта на Украине, которые имели важное геополитическое значение, что позволяет провести анализ трансформации образа России, транслируемый западными СМИ на разных этапах проведения специальной военной операции. Анализ фактологии был проведен с использованием

методов целенаправленной выборки и контекстуальной интерпретации.

Результаты исследования

Для нагнетания ситуации вокруг России западные СМИ применяют следующие средства манипуляции:

1) стилистические средства: *to play with fire; Russian skin and hardware; dictator bent on rebuilding an empire will never erase a people's love for liberty; Putin's attempts to 'extinguish' Ukraine should 'make your blood run cold'; tempted to erase the sovereign state from the map; the Russian Bear sharpens its nuclear teeth; The Russian Bear sharpens its nuclear teeth; Kremlin hawks and propagandists regularly threaten to send nuclear missiles into Western capitals; to pay severe/bitter price; a rapacious beast; Putin's tentacles; to cross the red line; das Rückgrat; die Schuldenbremse; der Kampf des Guten gegen das Böse; die rote Linie überschreiten;*

2) ярлыки: *aggressor; dictator; tyrant; despot; invader; der Aggressor; der Angreifer; der Ruschist; der Brandstifter; Moskau – das Machtzentrum; antirussisch;*

3) военная лексика: *Russia used strategic bombers; cruise missiles and killer drones in a wave of attacks across Ukraine; das Massaker; Cyberabwehr; Bunker; mobile Operationssäle; Lazarettversorgung; die Verteidigung; die Verteidigungsausgaben; der Wehretat; die Rüstungsindustrie; Militärzüge; Lkw-Konvois voller Panzer; Truppenbewegungen; Raketen; große und ungewöhnliche russische Truppenaufmärsche; der Einmarsch; das Manöver;*

4) прецедентные имена: *Cold war; Nazi; Doomsday Clock; zwei Jahre nach Verkündung der Zeitenwende; die Theorie des Kolonialismus; Lenin; die Oktoberrevolution; Faschisten;*

5) негативно окрашенная лексика: *purposefully and cynically destroyed the Drama Theater; horrific scenes; brazen brutality; brutale Folter; gezwungen, dieser verdammte Krieg; das Exil; zwangsweise; Propaganda; die Barbaren; die Verrückten; Hass auf die Ukraine; aggressive Handlungen; provokativ; prorussische Separatisten;*

6) заимствования в немецкий язык из английского: *die Invasion; die Relokation; brandmarken; defensiver;*

7) дисфемизмы: *meat grinder; meat wagon; war; invasion; occupation; assault; annexation; rashists; fascists; monsters; pro-Russian separatists; Russian backed separatists; der Angreifer; der Raschist; der Brandstifter;*

8) креолизованные тексты (фотографии, изображающие последствия артиллерийских и ракетных ударов; фотографии, на которых изображается российская военная и ядерная угроза).

В рамках первого периода, начиная с апреля 2021 г., в англо- и немецкоязычных СМИ начинает продвигаться идея о том, что Россия, как никогда, представляет максимальный уровень угрозы для мирового сообщества.

Задолго до того, как Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил о начале специальной военной операции, западные СМИ начали навязывать своим читателям идею о том, что Россия нападет на Украину.

В статье под заголовком «*Russian forces are massing on Ukraine's border. Bluff or not, Putin s playing with fire*», опубликованной 9 апреля 2021 года в новостной ленте CNN, используется ряд манипулятивных приемов: военная терминология (*troops, armed Russian forces, warships, tanks, military convoys*), дисфемизмы (*Donbass separatist region, annexing Donbass; Crimea, the annexed peninsula to the south of Ukraine; Donbass separatist region*), метафора (*to play with fire*), цифровая информация (*Some 4,000 heavily armed Russian forces*), а также ссылки на неавторизованный источник информации, выраженные как в вербальной (*a US defense official, social media videos show*), так и невербальной форме (изображения).

В примере 1 автор статьи пытается убедить читателя в том, что Россия является страной-агрессором. Апеллируя к событиям 2014 года, когда Луганская и Донецкая

Народные Республики объявили о своей независимости, но при этом не называя первопричину отсоединения данных областей от Украины, которая состояла в массовом уничтожении русскоязычного населения, автор статьи акцентирует внимание на том, что Россия заинтересована в новом конфликте: (1) *Were Moscow trying to reverse the military stalemate around the Donbas separatist region – that it truncated from Ukraine in 2014 – would it want to telegraph its moves so blatantly? Russia's signals are obvious.*

Автор с большой долей уверенности сообщает, что на границе с Украиной замечено большое количество военной техники, подкрепляя свои слова ссылками на видеоролики в социальных сетях, при этом не указывая ни на название видеоролика, ни на видеохостинг: (2) *Relentless social media videos show armored convoys moving towards the general border area [11].*

Также в статье используются невербальные средства манипуляции, а именно изображения со спутника, на котором представлено большое количество военной техники. Адресант подчеркивает, что техника принадлежит вооруженным силам РФ, однако никаких координат места съемки не приводится: (3) *A satellite view of the Pogonovo training area in Russia's Voronezh region, close to the Ukrainian border [11].*

Манипулятивный эффект усиливается за счет использования военной терминологии в сочетании с цифровой информацией для устрашения адресата: (4) *Some 4,000 heavily armed Russian forces had been seen moving in Crimea, a US defense official told CNN [12].* Используя цифровую информацию и подкрепляя свои слова ссылкой на неавторизованный источник, автор пытается выставить Россию нападающей стороной.

Так, статья в «Der Spiegel» с заголовком **«Blinken und Maas warnen Moskau. Für jegliche Form von Aggression müsste Russland einen hohen Preis zahlen** = России придется

заплатить высокую цену за любую форму агрессии» (от 30.11.2021 г.), вышедшая после саммита НАТО, явно сигнализирует о готовности стран Запада встать на защиту украинских интересов. Однако довольно размытая формулировка «высокую цену» говорит об отсутствии четкой концепции по противодействию России, а также, вероятно, показывает, что возможность эскалации оценивается недостаточно высоко.

(5) *Die Nato beobachtet eine erhöhte russische Militärpräsenz an der Grenze zur Ukraine. Das Bündnis bezeichnet Russlands Verhalten als aggressiv, Moskau warnt das Staatenbündnis vor dem Überschreiten „roter Linien“. US-Außenminister Antony Blinken sagte, „jede neue Aggression würde schwerwiegende Konsequenzen nach sich ziehen“. Hintergrund der Äußerungen der Politiker sind Erkenntnisse der Nato, wonach Russland in der Nähe der Grenze zur Ukraine erneut ungewöhnlich große Truppenkontingente und moderne Waffen zusammengezogen hat [13].*

Отличительной чертой манипулятивных средств в немецкоязычном милитарно-медийном дискурсе рассматриваемого периода является синтаксический параллелизм, который используется для дополнительного нагнетания сложившейся ситуации: (6) *Blinken und Maas warnen Moskau... Moskau warnt das Staatenbündnis...* Иными словами, основная функция дистантного анадиплосиса – это формирование причинно-следственных отношений, в данном случае «нереагирование» мирового сообщества на беспокойство Москвы приведет к определенной «агрессивной» реакции со стороны последней. Как и в английских текстах, адресанты применяют различные негативно эмоционально окрашенные лексические средства (*erhöhte, aggressiv, warnt, Überschreiten, rote Linien, Aggression, erneut, ungewöhnlich große Truppenkontingente und moderne Waffen*), единственная цель употребления которых заключается в формировании враждебного отношения к РФ.

Не менее эмоционально настораживающей является статья **«Nato warnt Moskau vor «Provokationen» an Grenze zur Ukraine»**, опубликованная в ноябре 2021 года. Резко отрицательная пропаганда по отношению к РФ, с одной стороны, и формирование тревожности у адресатов – с другой, достигается за счет использования огромного количества военных терминов (7): (7) Es geht um *Militärzüge* und *Lkw-Konvois voller Panzer*: Die russischen *Militäraktionen* nahe der Ukraine sorgen auch bei der Nato für Unruhe. Generalsekretär Stoltenberg sprach von «*aggressiven Handlungen*». <...> Erste Berichte über die *Truppenbewegungen* waren **Anfang November aufgetaucht**. Im Internet verbreitete Videos zeigten *Militärzüge* und *mit Panzern und Raketen beladene Lkw-Konvois* im Südwesten Russlands. <...> Stoltenberg sprach <...> von «*großen und ungewöhnlichen*» russischen *Truppenaufmärschen* an der ukrainischen Grenze. <...> US-Außenminister **Antony Blinken** hatte Russland bereits vergangene Woche vor einem *Einmarsch* in die Ukraine gewarnt [14].

Военные термины, как и термины из других областей знаний, используются для именованья определенного понятия, чтобы облегчить процесс коммуникации между специалистами. Иллокуция «неоправданного» употребления военной терминологии в текстах СМИ обладает огромной перлокутивной силой, которая заключается в нагнетании обстановки среди мирных жителей, то есть в мире не происходят военные действия на Украине. Однако превалирование военных лексем подсознательно настораживает носителей языка и психологически оказывает влияние на адресата, тем самым формируя негативное отношение к РФ.

Следует подчеркнуть, что для рассматриваемого периода (примеры 5, 7) характерно использование графонов в немецкоязычном милитарно-медийном дискурсе, а именно: Nato вместо NATO. Это можно объяснить тем, что отправителю сообщения было важно максимально быстро предоставить

информацию реципиенту, не проверяя ее достоверность и грамотность.

К следующим манипулятивным средствам в немецкоязычном милитарно-медийном дискурсе можно отнести специальные вопросы (пример 8), которые предполагают конкретный ответ, дополнительная напряженность которого актуализируется глагольной лексемой «*planen*», которая подразумевает общепринятую фазовость действий / мероприятий РФ по отношению к Украине. То есть семантика данной лексической единицы предполагает начало (качественную подготовку), середину (преднамеренное введение) и конец (определенный результат).

(8) **Was plant Russland** an der Grenze zur **Ukraine**? Diese Frage wird in internationalen Sicherheitskreisen seit Anfang November intensiv diskutiert. Nach zahlreichen Warnungen verschiedener Staaten hat sich nun auch die **Nato** zu Wort gemeldet und **Moskau** vor militärischen Übergriffen gewarnt [14].

Негативная репрезентация России в глазах западной общественности усиливается после объявления Президентом РФ В.В. Путиным о начале проведения специальной военной операции. Западные СМИ навешивают на Россию инвективный ярлык *aggressor*. Данная лексема обладает резко отрицательной коннотацией, так как в ее значении заложены две негативные семы: «атаковать первым»/«нападать первым» и «война, сражение». Навешивание ярлыков является одним из самых эффективных приемов манипуляции, так как «ярлык» представляет собой неаргументированную и необъективную характеристику человека или явления, которая выражается в эмоционально окрашенной форме. В ответ на запрос в поисковой системе Google 10.03.2022 г. со словом *aggressor* во вкладке «*news*» были предложены следующие газетные заголовки зарубежных новостных изданий (примеры 9-12):

• Bbc.com: (9) *Ukraine crisis: Russia's reputation as aggressor «invented»* [15];

• rferl.org: (10) *Aggressor country: with Forces Outside Kyiv* [16];

• Irt.lt: (11) Russia is the *aggressor*, not victim, says Lithuania's UN envoy [17];

• aljazeera.com: (12) It's important to stop *aggressor Russia* as soon as possible [18].

Данные ярлыки не нуждаются в подкреплении какими-либо фактами, достаточно лишь их частого упоминания, так как они обладают сильной эмоциональной окраской. Помимо лексемы *aggressor* частотными ярлыками, обладающими пейоративной семантикой, являются такие единицы, как *the occupants will be held accountable for...; Russian invaders in panic...; pro-Russians; pro-russian separatists, cruel, brutal, violent*.

Что касается немецкой прессы, то помимо использованных ранее лингвистических средств манипуляции, превалирует метафорическая персонификация, а именно президент России становится главной причиной и следствием конфликта, соответственно, основным лицом выражения агрессии (*Kremlchef Putin, Putin's Russland, Aggressor, Putin's Krieg*: (13) *Putin wird nicht gewinnen. <...> Kanzler Scholz hat in einer Fernsehansprache erneut an Kremlchef Putin appelliert, die Invasion der Ukraine sofort zu stoppen. <...> Gerade erleben wir den Beginn eines Krieges, wie wir ihn so seit mehr als 75 Jahren nicht erlebt haben*», sagte Scholz. <...> *Mit dem Angriff auf die Ukraine will Putin die Zeit zurückdrehen*», so Scholz. *Aber es gebe kein Zurück in die Zeit des Kalten Krieges. Der Überfall Putins sei „durch nichts und durch niemanden zu rechtfertigen“*. *Putin gefährde so das Leben unzähliger Menschen* [19].

Немецкое издание «Der Tagesspiegel» 24.02.2023 г. опубликовало статью «Kein Frieden ohne *De-Putinisierung*: Warum Russland den Krieg verlieren muss» [20]. В данном случае лексема «*De-Putinisierung*» представляет собой ярко выраженную пейоративную коннотацию, которая образована из приставки *de-*, имеющей значение «отдалять, уничтожать», и фамилии прецедента РФ с суффиксом *-ung*, обозначающим «действие или результат». Иными словами, немецкие СМИ направляют всю агрессию

напрямую на главу РФ, выставляя его главным врагом всего мирового сообщества, тем самым минимизируя свое отрицательное отношение к простым гражданам РФ и объясняя причину своих действий по отношению к РФ.

Негативная репрезентация России в англо- и немецкоязычном милитарно-медийном дискурсе продолжалась до провала Украины в контрнаступлении. Приблизительно с ноября 2023 г. эксплицитно выраженная агрессивная тональность СМИ по отношению к России стала уменьшаться. Образ России в глазах коллективного Запада в настоящее время можно описать как «условно нейтральный», под которым в рамках данной статьи понимается величина эмоционального тона публикаций, в которых освещается конфликт на Украине. С одной стороны, Запад вынужден признать превосходство России в военной, политической и экономической сфере, но выражает это не напрямую, используя деперсонализацию. В примере 14 автор статьи описывает ситуацию неуспеха Украины и продвижения России через определительное местоимение *either (Russia)* и отрицательное местоимение *neither (Ukraine)*: (14) *Neither army is in a position to drive out the other from the land they currently control. Ukraine's counter-offensive has stalled* [21].

Прагматический потенциал местоимения *neither* заключается в демонстрации нежелания Украины и стран коллективного Запада признавать доминирование России. Местоимение *either* в анализируемом контексте обладает уничижительной коннотацией. В рамках данного контекста актуализируется сема «любой из», что означает принижение всех успехов России, которых она добилась в конфликте на Украине. С другой стороны, несмотря на попытку принизить Россию, западные СМИ используют прямые номинации, репрезентирующие преимущество и определенную долю страха перед Россией (фрагменты 15-19): *to take full advantage, Russia has advantage, Russia will be in advantage, Mr.Putin is winning*:

(15) *Putin, however, took full advantage of the opportunity to plant seeds of doubt about America's aid for Ukraine and the U.S. political system [21].*

(16) *The implication is that Ukraine is stuck in a long war-one in which he acknowledges Russia has the advantage [22].*

(17) *In 2024 at least, Russia will be in a stronger position to fight, because it will have more drones and artillery shells, because its army has developed successful electronic-warfare tactics against some Ukrainian weapons [21].*

(18) *Mr Putin is also winning because he has strengthened his position at home [20].*

(19) *It's Time to End Magical Thinking About Russia's Defeat [23].*

Единицы вторичной косвенной номинации, в частности, метафоры (*undermine the conviction in the West; the West needs to shake off its lethargy*) и метонимии (*No wonder the mood in Kyiev is darker*) используются в текстах СМИ для имплицитного выражения обеспокоенности стран коллективного Запада успехами России:

(20) *He is undermining the conviction in the West that Ukraine can- and must-emerge from the war as a thriving European democracy [21].*

(21) *For its own sake as well as Ukraine's, the West urgently needs to shake off its lethargy [21].*

Таким образом, отличительной особенностью анализируемых публикаций во временном промежутке с ноября 2024 г. по настоящее время является отсутствие инвективных ярлыков (*agressor, invader, occupant*) по отношению к России.

В немецкоязычном милитарно-медийном дискурсе актуализируется частичное нивелирование своего агрессивного отношения к РФ, использованные лексемы демонстрируют настороженность и некоторую выжидательность.

(22) *Putins Saat geht auf. Die Gefahr, dass die US-Republikaner die Ukraine Russland ausliefern, ist – auch – ein Ergebnis jahrzehntelanger Anstrengungen Russlands. Der Westen steht Putins Einflussnetz scheinbar machtlos gegenüber [24].*

Фразеологизм *Saat geht auf* обладает положительной коннотацией, в данном случае адресат показывает свое уважительное отношение к президенту РФ, к его продуманной терпеливой политике, семантика которой не всем и не всегда понятна сразу, однако результаты которой проявляются по истечении определенного периода времени. Данная статья изобилует имплицитно нейтральными лексическими единицами (*jahrzehntelanger Anstrengungen, Die Gefahr, scheinbar machtlos, mögliche Nähe*), которые демонстрируют заблуждение / некорректность изложения информации и чрезмерную эмоциональную насыщенность, которая репрезентировалась в статьях «второго периода». Иными словами, отправитель сообщения демонстрирует неуверенность, настороженность и страх.

Заимствования из английского языка (23) выполняют экспрессивную функцию, которая заключается в оказании сознательного и целенаправленного воздействия не на чувствительную сторону реципиента, как это было представлено в предыдущих периодах, а на языковую когницию читателей, перлокутивная сила которой заключается в акцентировании внимания на возможном изменении ролей в геополитическом пространстве.

(23) «Wenn es in diesem Konflikt tatsächlich ein technisches System gibt, das man als *Gamechanger* bezeichnen kann, dann ist es auf jeden Fall Starlink», erklärte Frank Sauer vom Metis-Institut an der Universität der Bundeswehr München kürzlich dem SPIEGEL [24].

Анализ фактологии продемонстрировал, что для последнего периода актуально использование комбинации таких лексических единиц, которые, имея биполярную сущность, актуализируют боязнь мощи РФ (*stronger position, to take full advantage, saat geht auf*), с одной стороны, а с другой – такие лексемы, которые показывают неуверенность /неоднозначть/ некатегоричность (*wahrscheinlich, scheinbar machtlos, sprachlos*).

Отличительной особенностью анализируемых публикаций во временном промежутке с ноября 2024 г. по настоящее время является отсутствие инвективных ярлыков (*aggressor, invader, occupant*) по отношению к России.

Заключение

Для англоязычных и немецкоязычных СМИ характерно использование комплекса языковых средств манипуляции, основной целью которых является создание не только негативной тональности высказывания, но и убеждение западного читателя в том, что Россия представляет угрозу для мировой демократии: английской монархии, немецкого порядка и американской стабильности.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что в начале проведения

специальной военной операции и до момента провала Украины в контрнаступлении англо- и немецкоязычный милитарно-медийный дискурс характеризовался крайней степенью враждебности по отношению к России и был «запрограммирован» США и странами коллективного Запада на разделение мира на «своих» и «чужих». В настоящий момент в англо- и немецкоязычном милитарно-медийном дискурсе начинает формироваться образ «условно нейтральной» России. Степень враждебности начинает нивелироваться за счет употребления лексических единиц с ярко выраженным маркером неопределенности, а также положительно-маркированных фразеологизмов.

Список источников

1. Солопова О.А. Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 762-783. DOI: <https://10.22363/2312-9182-2019-23-3-762-783>.
2. Складорова Н.Г. Лингвосомиотика милитарно-медийного дискурса (на материале современных публикаций англоязычных СМИ): монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 88 с.
3. Дейк ван Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: УРСС, 2022. 352 с.
4. Fiorina M.P., Abrams S.A., Pope J.C. Polarization in the American Public: Misconceptions and Misreadings. 2008. Vol. 70. № 2. P. 556-560. DOI: <https://doi:10.1017/S002238160808050X>.
5. Eissa M.M. Polarized Discourse in the News // Procedia. Soc. Behav.Sci. 2014. Vol. 134. P. 70-91. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.225>.
6. Хабаров А.А. Понятие интердискурса информационно-психологической войны в парадигме социального управления // Культура и текст. 2022. № 2 (49). С. 172-186. DOI: <https://10.37386/2305-4077-2022-2-172-186>.
7. Колмогорова А.В., Горностаева Ю.А. Вербальные маркеры манипуляции в текстах информационно-психологической войны // Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. III / А.А. Бернацкая, Ю.А. Горностаева, И.В. Евсеева и др.; под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. С. 73-97.
8. Кушнерук С.Л. Идеологическое миромоделирование в контексте информационно-психологической войны. М.: ФЛИНТА, 2023. 232 с.
9. Horváth A. Sprache der Macht – Macht der Sprache. Praesens Verlag, 2023. 206 p.
10. Lenz P. Medienmanipulation. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.flip-design.de/medienmanipulation/medienmanipulation.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).
11. Russian forces are massing on Ukraine's border. Bluff or not, Putin is playing with fire. [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2021/04/09/europe/russian-forces-ukraine-border-analysis-intl/index.html> (дата обращения: 18.02.2025).

12. Top US national security officials call counterparts as Russia and Ukraine tensions Rise. [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2021/03/31/politics/us-russia-ukraine-calls/index.html> (дата обращения: 18.02.2025).
13. Blinken und Maas warnen Moskau. Für jegliche Form von Aggression müsste Russland einen hohen Preis zahlen. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/nato-treffen-heiko-maas-und-antony-blinken-warnen-russland-vor-angriff-auf-ukraine-a-87fedd3d-9a45-4c27-851a-7c11f964477f> (дата обращения: 02.02.2025).
14. Nato warnt Moskau vor »Provokationen« an Grenze zur Ukraine. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/nato-warnt-russland-vor-provokationen-an-grenze-zur-ukraine-a-e6624e83-109b-4bc1-9c5e-0df875bdd632> (дата обращения: 02.02.2025).
15. Ukraine crisis: Russia's reputation as aggressor 'invented'. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/av/world-europe-60498535> (дата обращения: 10.03.2025).
16. 'Aggressor Country': With Forces Outside Kyiv, Putin's Government Also Battling On The Home Front. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rferl.org/a/russia-antiwar-movement-protests-detention-ukraine/31723325.html> (дата обращения: 10.03.2025).
17. Russia is the aggressor, not victim, says Lithuania's UN envoy. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/1603234/russia-is-the-aggressor-not-victim-says-lithuania-s-un-envoy> (дата обращения: 10.03.2025).
18. Latest Ukraine updates: UNGA votes to demand Russian withdrawal. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/3/1/ukraine-on-edge-as-russia-continues-its-assault-liveblog> (дата обращения: 10.03.2025).
19. Putin wird nicht gewinnen. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/ukraine-olaf-scholz-warnt-wladimir-putin-die-invasion-zu-stoppen-a-e3c316e3-7cf1-4fe1-908d-be8655830b4b> (дата обращения: 07.02.2025).
20. Kein Frieden ohne De-Putinisierung: Warum Russland den Krieg verlieren muss. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/kein-frieden-ohne-de-putinisierung-warum-russland-den-krieg-verlieren-muss-9393881.html> (дата обращения: 02.02.2025).
21. Putin seems to be winning the war in Ukraine - for now. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/leaders/2023/11/30/putin-seems-to-be-winning-the-war-in-ukraine-for-now> (дата обращения: 02.02.2025).
22. Ukraine's commander-in-chief on the breakthrough he needs to beat Russia. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/europe/2023/11/01/ukraines-commander-in-chief-on-the-breakthrough-he-needs-to-beat-russia> (дата обращения: 02.02.2025).
23. It's Time to End Magical Thinking About Russia's Defeat. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/world/russia/its-time-to-end-magical-thinking-about-russias-defeat-f6d0b8de> (дата обращения: 02.02.2025).
24. Putins Saat geht auf. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spiegel.de/wissenschaft/mensch/republikaner-stoppen-ukraine-hilfe-wladimir-putins-saat-geht-auf-kolumne-a-ee84975-2b83-43d2-83f2-4859fca34116> (дата обращения: 02.02.2025).

References

1. Solopova O.A., Saltykova M.S. Constructing the Ideal Future in Foreign Military Media Discourses of The World War II Period // Russian Journal of Linguistics. 2019. No. 23 (3). P. 762-783. DOI: <https://10.22363/2312-9182-2019-23-3-762-783>.
2. Skljarova N.G. Linguosemiotics of Militar-media discourse (on the material of modern publications of English-language media): monograph. M.: INFRA-M Publishing house, 2019. 88 p.
3. Dejk T.A. van Discourse and power: representation of dominating in language and communication. Translated from English. M.: Book house «LIBROKOM» Publ., 2013. 344 p.

4. Fiorina M.P., Abrams S.A., Pope J.C. Polarization in the American Public // *Misconceptions and Misreadings*. 2008. Vol. 70. No. 2. P. 556-560. DOI: <https://doi.org/10.1017/S002238160808050X>.
5. Eissa M.M. Polarized Discourse in the News // *Procedia. Soc. Behav.Sci.* 2014. Vol. 134. P. 70-91. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.225>.
6. Khabarov A.A. The Concept of interdiscourse of information-psychological war in of social management paradigm // *Culture and text*. 2022. No. 2 (49). P. 172-186. DOI: <https://10.37386/2305-4077-2022-2-172-186>.
7. Kolmogorova A.V., Gornostaeva Yu.A. Verbal markers of manipulations in the texts of information-psychological war // *Linguistics of information-psychological war: monograph. Book III / A.A. Bernatskaya, Yu.A. Gornostaeva, I.V. Evseeva and others; edited by prof. A.P. Skovorodnikov*. Krasnoyarsk: Siberian federal university, 2020. P.73-97.
8. Kushneruk S.L. Ideological world modelling in the context of information-psychological war / S.L. Kushneruk. M.: FLINTA Publ., 2023. 232 p.
9. Horváth A. *Sprache der Macht – Macht der Sprache*. Praesens Verlag, 2023. 206 p.
10. Lenz P. *Medienmanipulation*. 2004. [Electronic resource]. URL: <http://www.flip-design.de/medienmanipulation/medienmanipulation.pdf> (date of access: 01.02.2025).
11. Russian forces are massing on Ukraine's border. Bluff or not, Putin is playing with fire. [Electronic resource]. URL: <https://edition.cnn.com/2021/04/09/europe/russian-forces-ukraine-border-analysis-intl/index.html> (date of access: 18.02.2025).
12. Top US national security officials call counterparts as Russia and Ukraine tensions Rise. [Electronic resource]. URL: <https://edition.cnn.com/2021/03/31/politics/us-russia-ukraine-calls/index.html> (date of access: 18.02.2025).
13. Blinken und Maas warnen Moskau. Für jegliche Form von Aggression müsste Russland einen hohen Preis zahlen. [Electronic resource]. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/nato-treffen-heiko-maas-und-antony-blinken-warnen-russland-vor-angriff-auf-ukraine-a-87fedd3d-9a45-4c27-851a-7c11f964477f> (date of access: 02.02.2025).
14. Nato warnt Moskau vor »Provokationen« an Grenze zur Ukraine. [Electronic resource]. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/nato-warnt-russland-vor-provokationen-an-grenze-zur-ukraine-a-e6624e83-109b-4bc1-9c5e-0df875bdd632> (date of access: 02.02.2025).
15. Ukraine crisis: Russia's reputation as aggressor 'invented'. [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/news/av/world-europe-60498535> (date of access: 10.03.2025).
16. 'Aggressor Country': With Forces Outside Kyiv, Putin's Government Also Battling On The Home Front. [Electronic resource]. URL: <https://www.rferl.org/a/russia-antiwar-movement-protests-detention-ukraine/31723325.html> (date of access: 10.03.2025).
17. Russia is the aggressor, not victim, says Lithuania's UN envoy. [Electronic resource]. URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/1603234/russia-is-the-aggressor-not-victim-says-lithuania-s-un-envoy> (date of access: 10.03.2025).
18. Latest Ukraine updates: UNGA votes to demand Russian withdrawal. [Electronic resource]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/3/1/ukraine-on-edge-as-russia-continues-its-assault-liveblog> (date of access: 10.03.2025).
19. Putin wird nicht gewinnen. [Electronic resource]. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/ukraine-olaf-scholz-warnt-wladimir-putin-die-invasion-zu-stoppen-a-e3c316e3-7cf1-4fe1-908d-be8655830b4b> (date of access: 07.02.2025).
20. Kein Frieden ohne De-Putinisierung: Warum Russland den Krieg verlieren muss. [Electronic resource]. URL: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/kein-frieden-ohne-de-putinisierung-warum-russland-den-krieg-verlieren-muss-9393881.html> (date of access: 02.02.2025).
21. Putin seems to be winning the war in Ukraine - for now. [Electronic resource]. URL: <https://www.economist.com/leaders/2023/11/30/putin-seems-to-be-winning-the-war-in-ukraine-for-now> (date of access: 02.02.2025).

22. Ukraine's commander-in-chief on the breakthrough he needs to beat Russia. [Electronic resource]. URL: <https://www.economist.com/europe/2023/11/01/ukraines-commander-in-chief-on-the-breakthrough-he-needs-to-beat-russia> (date of access: 02.02.2025).

23. It's Time to End Magical Thinking About Russia's Defeat. [Electronic resource]. URL: <https://www.wsj.com/world/russia/its-time-to-end-magical-thinking-about-russias-defeat-f6d0b8de> (date of access: 02.02.2025).

24. Putins Saat geht auf. [Electronic resource]. URL: <https://www.spiegel.de/wissenschaft/mensch/republikaner-stoppen-ukraine-hilfe-wladimir-putins-saat-geht-auf-kolumne-a-ee84975-2b83-43d2-83f2-4859fca34116> (date of access: 02.02.2025).

Информация об авторах

Ульянова Ульяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Ульянова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Ulyana A. Ulyanova, candidate of philological sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after army general I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Kluch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Natalia N. Ulyanova, candidate of philological sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after army general I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Kluch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.04.2025; одобрена после рецензирования 25.04.2025; принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 06.04.2025; approved after reviewing 25.04.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Научная статья

УДК 81

EDN: <https://elibrary.ru/TXHIIIN>

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Чистюхина Евгения Александровна¹

Постоечко Егор Васильевич²

^{1, 2} Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹etschistjuchina@mail.ru, ²postoenko.egor2016@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования концепта «специальная военная операция» в русской и английской языковых картинах мира на материале текстов СМИ. Авторами описаны когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, образующие содержание понятийного, образного и ценностного компонентов исследуемого концепта. Авторы приходят к выводу, что концепт «специальная военная операция» обладает рядом этноспецифических черт, а именно созидание, сохранение того, что есть, обеспечение безопасности как черта русской языковой картины мира и разрушение, стремление к превосходству, дискредитация и унижение соперника как одна из черт английской языковой картины мира.

Ключевые слова: концепт, специальная военная операция, структура концепта, понятийный, образный и ценностный компоненты концепта.

Для цитирования: Чистюхина Е.А., Постоечко Е.В. Репрезентация концепта «специальная военная операция» в русской и английской языковых картинах мира // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 2 (7). С. 61-70.

REPRESENTATION OF THE CONCEPT “SPECIAL MILITARY OPERATION” IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Evgeniya A. Chistiukhina¹, Egor V. Postoenko²

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

¹etschistjuchina@mail.ru, ²postoenko.egor2016@yandex.ru

Abstract. This work describes results of the research of the concept “Special military operation” in the Russian and English linguistic worldview based on media texts. The authors describe cognitive classifiers, which form the conceptual, figurative and axiological components of the investigated concept. The authors come to the conclusion that the concept “Special military operation” has a number of ethnospecific features, namely creation, preserving what you have, ensuring security as features of the Russian linguistic picture of the world and destruction, striving for superiority, discrediting and humiliating the opponent as features of the English linguistic picture of the world.

Keywords: concept, special military operation, structure of a concept, conceptual, figurative and axiological components of a concept.

For citation: Chistiukhina E.A., Postoenko E.V. Representation of the concept “special military operation” in the russian and english linguistic picture of the world // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 2 (7). P. 61-70.

Введение

Специальная военная операция, проводимая Российской Федерацией на территории Украины, приковала к себе внимание всего мирового сообщества, поскольку она является борьбой России не только за себя, но и за искоренение возродившегося в Европе нацизма, а также за возможность изменить сложившийся однополярный мировой порядок и перейти к миру многополярному. Очевидно, что в текстах русскоязычных и англоязычных СМИ находят свое отражение особенности концептуализации и категоризации специальной военной операции – события мирового масштаба. Важным представляется изучение особенностей репрезентации концепта «специальная военная операция» в русской и английской языковой картинах мира на материале текстов СМИ, поскольку специальная военная операция ведется не только на поле боя, но и в информационном пространстве.

Исследователи (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Г.Г. Слышкин и др.) определяют концепт как ментальную, мыслительную единицу, которая отражает знания и опыт как отдельного человека, так и целого сообщества, в том числе нации [1, 2, 3]. Концепты, по мнению ряда ученых (Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, В.В. Красных, А. Вежбицкая), являются культуроотмеченными образованиями [3, 4, 5], то есть в них находят отражение ценности, убеждения, нормы поведения, традиции и обычаи различных народов. Как отмечает Н.А. Красавский, «концепты в разных языках и культурах обычно не совпадают, поскольку разные языки по-разному отражают действительность, берут в основу формируемого понятия различные его стороны» [8]; они являются носителями специфических черт этноса [9].

Будучи единицей сознания, концепт обладает структурой. Согласно одному из

основных взглядов, структуру концепта образуют три компонента: понятийный, образный и ценностный. В.И. Карасик отмечает, что образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция. Ценностная сторона концепта – важность этого психического образования, как для индивидуума, так и для коллектива [5].

Важной характеристикой концепта является наличие у него содержания. Содержание концепта образуют когнитивные классификаторы, то есть направления, по которым происходит восприятие и осознание того или иного объекта или явления. В рамках когнитивных классификаторов выделяются когнитивные признаки. Анализ и обобщение когнитивных классификаторов позволяют представить структуру концепта в виде иерархии когнитивных классификационных признаков, концептуализирующих соответствующий предмет или явление.

Цель настоящей статьи состоит в описании структуры и содержания концепта «специальная военная операция» в русской и английской языковых картинах мира.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили тексты газетных статей таких информационных агентств, как «Известия», «Аргументы и факты», «Российская газета», «Московский комсомолец», «Ведомости», “The Mirror”, “The Times”, “The New York Times”, “The Guardian”, британский новостной канал “GBN”, опубликованные в период с 2023 по 2025 год. Из данных текстов были извлечены языковые средства актуализации концепта «специальная военная операция».

Для описания содержания концепта и моделирования его структуры нами была применена комплексная методика, включающая следующие этапы:

1. Построение номинативного поля концепта в русском и английском языках. Данная процедура включает в себя анализ словарных дефиниций слова-имени концепта; анализ синонимов слова-имени концепта; когнитивную интерпретацию результатов описания словарных дефиниций, то есть выявление когнитивных признаков, формирующих понятийный компонент исследуемого концепта.

2. Анализ текстов газетных статей. На данном этапе осуществляется отбор языковых средств, актуализирующих концепт «специальная военная операция» в русском и ан-

глийском языках и проводится их когнитивная интерпретация – распределение выявленных когнитивных классификаторов по образному и ценностному компонентам.

3. Описание содержания концепта «специальная военная операция» в виде перечня когнитивных классификаторов и определение общих и отличительных признаков, входящих в содержание исследуемого концепта в русском и английском языках.

Результаты исследования

Рассмотрим содержание понятийного компонента концепта «специальная военная операция» в русском и английском языках. Анализ ключевого слова концепта и его синонимов позволил сформулировать следующие когнитивные признаки, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – Понятийный компонент концепта «специальная военная операция» в русском и английском языках

Когнитивные признаки концепта в русском языке	Когнитивные признаки концепта в английском языке
1) особый правовой режим; 2) совокупность согласованных действий; 3) выполнение международных обязательств по противодействию актам агрессии; 4) боевые действия Вооруженных Сил России на территории Украины, ДНР и ЛНР; 5) обеспечение суверенитета ЛНР и ДНР; 6) демилитаризация Украины; 7) денацификация Украины; 8) комплекс мероприятий в экономической, финансовой, социальной сферах; 9) поражение только военных объектов противника; 10) создание для мирных жителей коридоров выхода из зоны боевых действий; 11) оказание гуманитарной помощи; 12) отражение военных угроз со стороны военно-политического блока НАТО.	1) секретная операция, проводимая вооруженными силами или спецслужбами; 2) проводится с целью достижения определенных целей, например: спасение заложников, сбор разведывательных данных или захват особо важных целей; 3) осуществляется подразделениями элитных, высококвалифицированных военнослужащих; 4) предполагает применение специального высокотехнологичного вооружения; 5) вторжение России на территорию Украины; 6) полномасштабная и неспровоцированная война агрессии, развязанная Россией.

Как видим, содержание понятийного компонента концепта «специальная военная операция» в русскоязычной и англоязычной картинах мира значительно отличается. В сознании носителей английского языка специальная военная операция в целом концептуализируется как секретная операция, проводимая с целью достижения определен-

ных целей элитными подразделениями военнослужащих с применением высокотехнологичного вооружения. Что касается специальной военной операции, проводимой Россией на территории Украины, – это агрессия, полномасштабная и неспровоцированная война.

В русскоязычной картине мира специальная военная операция концептуализируется как форма проведения боевых действий, проводимых с соблюдением международных обязательств Вооруженными Силами России на территории Украины, ДНР и ЛНР с целью обеспечения суверенитета ЛНР и ДНР, демилитаризации и денацификации Украины, а также отражения военных угроз

со стороны военно-политического блока НАТО. Специальная военная операция – это не агрессия против мирного населения, а его защита. В ходе ее проведения поражаются только военные объекты противника.

Содержание образного компонента концепта «специальная военная операция» в русском и английском языках представлено в таблице 2.

Таблица 2 – Образный компонент концепта «специальная военная операция» в русском и английском языках

Когнитивные классификаторы концепта в русском языке	Когнитивные классификаторы концепта в английском языке
1) Вооружение Украины (25 %) 2) Территории, подвергающиеся атакам ВСУ (19 %) 3) Рода войск и военные организации, участвующие в СВО (17 %) 4) Вооружение РФ (15 %) 5) Последствия атак ВСУ (11 %) 6) Потери ВСУ (7 %) 7) Наемники (6 %)	1) Потери и неудачи российской армии (40 %) 2) Потери и неудачи ВСУ (14 %) 3) Вооружение РФ (11 %) 4) Северокорейские войска (10 %) 5) Успехи ВСУ (10 %) 6) Вооружение Украины (8 %) 7) Угроза ядерной войны (7 %)

Как видно из таблицы, образный компонент концепта «специальная военная операция» в русском и английском языке образует практически одинаковое количество когнитивных классификаторов: 6 в русском языке и 7 в английском языке. В содержании образного компонента исследуемого концепта в двух языках отмечено наличие четырех одинаковых когнитивных классификаторов: «Вооружение РФ», «Вооружение России» и «Наемники» / «Северокорейские войска», «Потери ВСУ» / «Потери и неудачи ВСУ». Отличительными классификаторами в русском языке являются «Территории, подвергающиеся атакам ВСУ», «Рода войск и военные организации РФ, принимающие участие в СВО» и «Последствия атак ВСУ», в английском языке – «Угроза ядерной войны», «Успехи ВСУ» и «Потери и неудачи российской армии».

В качестве примера рассмотрим содержание одинаковых когнитивных классификаторов, обладающих наибольшим индексом яркости: «Вооружение Украины» в русском

языке и «Потери и неудачи российской армии» в английском языке.

Вооружение Украины (44 языковые единицы).

Когнитивная интерпретация отобранных языковых единиц позволила сделать следующие выводы. Среди наиболее частотных видов вооружения, применяемых вооруженными силами Украины, являются БПЛА (28 беспилотников, 138 украинских БПЛА, 10 уничтоженных беспилотников). Военнослужащие Украины применяют на поле боя боевую технику НАТО (*Abrams, Leopard*), которую российским войскам удастся уничтожить. В небе над зоной боевых действий периодически появляются американские истребители F-16. Один из таких самолетов был сбит нашими войсками над Запорожской областью (*Первый американский истребитель F-16, из числа переданных ВВС Украины, сбит в небе над Запорожской областью*). Российские силы ПВО неоднократно уничтожают снаряды HIMARS и «Ураган», а также бомбы французского производства Hammer (*Средства противо-*

воздушной обороны (ПВО) уничтожили управляемую авиационную бомбу *Hammer* производства Франции, 12 реактивных снарядов *HIMARS* американского производства и 115 дронов самолетного типа). Как видно из отобранных нами языковых единиц, большое количество вооружения, используемого ВСУ, имеет западное происхождение. Следует отметить, что Украина применяет токсичные химикаты и нервно-паралитические средства против российских военнослужащих и мирного населения (*токсичных химикатов против ВС РФ, токсичных химикатов и химических средств борьбы с беспорядками, следы запрещенного химиката, нервно-паралитических средств, различные токсичные химикаты*).

Потери и неудачи российской армии (55 языковых единиц).

Когнитивная интерпретация извлеченных языковых единиц позволила сделать следующие выводы. Согласно англоязычным СМИ, Россия терпит колоссальные потери в войне, которую она развязала против Украины (*Putin's war which has cost the lives of hundreds of thousands of his compatriots; the war has claimed the lives of an estimated 150,000 to 200,000 Russian soldiers*). Сотни тысяч россиян, в том числе молодых парней, погибают или получают увечья (*450,000 Russians killed or maimed*). Россия теряет большое количество вооружения и боевой техники (*Russian troop losses stand on the verge of passing 500,000 killed, 7,635 tanks lost and 12,902 artillery systems destroyed; Putin loses six more warplanes*). Продолжающаяся ожесточенная и кровопролитная война приводит к изолированию России, ее экономической нестабильности, пошатыванию ее глобального статуса. Проблем в России якобы становится все больше и больше (*has devastated the country, further isolated Russia from the West and fueled economic insecurity around the world*). В ответ на угрозы Владимира Путина страны НАТО наносят различные удары по Президенту РФ. Одним из серьезных ударов по В.В. Путину является падение режима Аса-

да, а также крушение самолета азербайджанских авиалиний, которое угрожает испортить отношения России с дружественными бывшими государствами (*Why Assad's fall is a blow to Putin – and exposes Russia's weakness; on the international stage, Mr. Putin has also suffered recent blows to his standing. He lost his biggest ally in the Middle East; is threatening to undermine the Kremlin's relations with friendly former Soviet states that are crucial to Russia's access to foreign goods*). По мнению Запада, в этом проявилась слабость Российской Федерации. Западные СМИ отмечают, что Владимир Путин держит своих жителей в неизвестности, не сообщает, куда направляется страна (*But he did not say where Russia was going*). В западных СМИ сообщается, что Владимир Путин отчаянно пытается собрать войска, чтобы остановить продвижение украинских войск в Курской области. Данный успех ВСУ оказался большой неожиданностью для России. Владимир Путин якобы оказался загнанным в угол (*he feels 'cornered' and 'rattled' by Ukraine invasion into Russia; Ukrainian armed forces began a surprise offensive in Russia's Kursk region; Ukraine launched a significant cross-border raid nearly six months ago into the Kursk region*). Еще одной неудачей России являются удары ВСУ по судам в Черном море, а также российским аэродромам (*Putin loses even MORE Black Sea vessels; Vladimir Putin's naval operations in the Black Sea have been dealt another blow*). Более того, отмечается, что дружественные северокорейские военнослужащие убили российских военных. Сам факт принятия помощи со стороны Северной Кореи расценивается как акт отчаяния России (*Putin humiliated after Russian troops killed by friendly fire from North Korean soldiers; an act of desperation on the part of Moscow*).

Содержание проанализированных когнитивных классификаторов показывает, что русскоязычные СМИ передают объективную информацию и выражают озабоченность вовлеченностью США и ЕС в россий-

ско-украинский конфликт. Для англоязычных СМИ характерно стремление дискредитировать главу Российской Федерации и Вооруженные Силы России. Неудачи и потери российской армии значительно преуве-

личиваются и используются для искажения происходящих событий.

Содержание ценностного компонента концепта «специальная военная операция» в русском и английском языках представлено в таблице 3.

Таблица 3 – Ценностный компонент концепта «специальная военная операция» в русском и английском языках

Когнитивные классификаторы концепта в русском языке	Когнитивные классификаторы концепта в английском языке
1) Военнослужащие Украины (26 %) 2) Военнослужащие РФ (26 %) 3) Президент Украины (15 %) 4) Поведение США и Запада (9 %) 5) Будущее российско-украинского конфликта (8 %) 6) Вера в Бога (7 %) 7) Эффективность российского вооружения (5 %) 8) Предатели (4 %)	1) Суть СВО (32 %) 2) Президент РФ (20 %) 3) Цели В.В. Путина (18 %) 4) Российские военнослужащие (15 %) 5) Взаимоотношения России и Запада (15 %)

Из таблицы видно, что ценностный компонент концепта «специальная военная операция» в русском и английском языке образует разное количество когнитивных классификаторов: 8 в русском языке и 5 в английском языке. В содержании данного компонента в двух языках отмечено наличие одного одинакового когнитивного классификатора: «Военнослужащие РФ / Российские военнослужащие». Несколько схожими классификаторами являются «Поведение США и Запада» и «Взаимоотношения России и Запада». Отличительными классификаторами в русском языке являются «Президент Украины», «Военнослужащие Украины», «Предатели», «Вера в Бога», «Будущее российско-украинского конфликта», «Эффективность российского вооружения», в английском языке – «Цели В.В. Путина», «Суть СВО», «Президент РФ».

В качестве примера рассмотрим содержание когнитивных классификаторов, обладающих наибольшим индексом яркости: «Военнослужащие Украины» в русском языке и «Суть СВО» в английском языке.

Военнослужащие Украины (66 языковых единиц).

Когнитивная интерпретация отобранных языковых единиц позволила сделать следующие выводы. Военнослужащие ВСУ в представлении русскоязычных СМИ являются боевиками, нацистами, неонацистами, националистами, бандеровцами, укронацистами (*украинские боевики; укронацистов; украинских неонацистов; украинским нацистам; бандеровцы*). Крайне редко для их именовании используются нейтральные обозначения, например, «солдаты ВСУ», «украинские офицеры». Украинские военнослужащие предстают как преступники, нарушающие Женевские конвенции, совершающие преступления против гражданского населения, готовящие террористические акты, добывающие раненых солдат противника (*нарушениями Женевских конвенций, «грубыми нарушениями соответствующих протоколов»; преступлениям ВСУ против мирных жителей; преступлениях украинских боевиков против гражданского населения; прямые террористические действия; раненых российских солдат добывали FPV-дронами*). Покидая место дислока-

ции, они стремятся уничтожить там абсолютно все (*противник старался оставить после себя территорию, выжженную дотла. Взрывались уцелевшие дома, подрывались мосты, в массовом порядке устанавливались минные заграждения; множество растяжек*). Для них характерна жестокость не только по отношению к противнику, но и друг к другу. Они бросают раненых товарищей на поле боя, а военные командиры используют простых солдат как пушечное мясо, как «ничто и никто». Для военнослужащих Украины характерно дезертирство и сдача в плен (*как мясо, бросают под ноги наступающим россиянам; офицеров не наказывают за мясные потери; безнаказанность военного командования; военные утилизируют живую силу; «побратимы» их бросили; безнаказанная жестокость командиров; роста количества дезертиров в ВСУ; «никто и ничто»; отправляют их обнуляться на передовую*). Таким образом, можно сделать вывод о том, что военнослужащие подразделений ВСУ получают крайне негативную оценку в российских СМИ.

Суть СВО (39 языковых единиц).

Когнитивная интерпретация извлеченных языковых единиц позволила сделать следующие выводы. Англоязычные СМИ описывают специальную военную операцию как кровавую, жестокую и позорную войну В.В. Путина против Украины, как длительный конфликт и агрессию (*Vladimir Putin's conflict in Ukraine; the bloody war on Ukraine; Putin's bloody war; Putin's war; this shameful war; war-torn Ukraine; Putin's 'holy war' in Ukraine; Putin's "holy war" against Ukraine; Russia's increased aggression*). Специальная военная операция не воспринимается западными СМИ, а называется незаконным вторжением (*Putin's invasion – or special military operation (SMO); his usual euphemism for the war as a "special military operation; four Ukrainian regions that he "annexed"; its full-scale 2022 invasion*). Территории, присоединившиеся к России, будто бы находятся в условиях российской оккупации (*Russian occupation in Crimea, the eastern Donbas*

region and the southern cities of Melitopol and Mariupol; 20 percent of Ukraine that it currently occupies). Англоязычные СМИ отмечают, что В.В. Путин не объясняет своему народу, с кем и почему страна воюет. В результате данной войны гибнут и получают увечья сотни тысяч россиян (*he did not say who the country was fighting or why*). Таким образом, специальная военная операция получает крайне отрицательную оценку в англоязычных СМИ. Истинное предназначение специальной военной операции отрицается и искажается.

Заключение

В целом проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы об особенностях концептуализации специальной военной операции в русской и английской языковых картинах мира. Содержание образного компонента показывает, что в русскоязычных СМИ не распространяется информация о ядерной войне, поскольку цели начать данную войну у Российской Федерации нет. В отличие от англоязычных СМИ русскоязычные СМИ не говорят о собственных потерях, а упоминают только потери и неудачи противника, однако не так масштабно, как это делают англоязычные СМИ. Тем не менее в образный компонент концепта входят представления о разрушениях, погибших и раненых мирных жителях в результате вражеских атак. Следует отметить, что в рамках образного компонента в русском языке отсутствует информация об успехах России, в то время как в английском языке образный компонент содержит информацию об успехах ВСУ. Таким образом, можно сделать следующий вывод, что приоритетным направлением в формировании образа специальной военной операции в английском языке являются потери и неудачи российской и украинской армии. В русском языке в основе образного компонента лежат представления о вооружении противника и территориях, за которые Россия борется.

Содержание ценностного компонента концепта позволяет заключить, что в англо-

язычных СМИ акцент делается на оккупационном характере специальной военной операции и о планах В.В. Путина развязать войну на всем европейском континенте. Во главе иностранных СМИ стоит лишь осуждение и ложная информация о действиях Вооруженных Сил РФ в ходе проведения специальной военной операции. Значительно преувеличивается количество потерь российской армии, занижаются ее достоинства, говорится, что военнослужащими движет исключительно желание наживы. В русскоязычных СМИ внимание обращается на военнослужащих, которым приходится воевать на стороне противоборствующих сторон. Не остается без внимания и президент Украины, который описывается как нелегитимный и невменяемый. В отличие от Запада, Россию интересует будущее российско-украинского конфликта, которому в российских СМИ дается адекватная оценка. Последствия данного конфликта будут

устраняться в течение многих лет, но 2025 год положит начало его завершению. Таким образом, российские СМИ публикуют конкретные факты о целях, выполненных задачах, героях, которые грудью стоят на защите Отечества. Дается объективная оценка действиям противника, в том числе и правительству Украины. Вышесказанное позволяет заключить, что цель специальной военной операции в представлении англоязычных СМИ – нанести поражение России, а в русскоязычных СМИ – обеспечить суверенитет и целостность российских территорий. Данный вывод подтверждает факт наличия у концептов этноспецифических черт, таких как созидание, сохранение того, что есть, обеспечение безопасности как черта русской языковой картины мира, и разрушение, стремление к превосходству, дискредитация и унижение соперника как одна из черт английской языковой картины мира.

Список источников

1. Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 90-93.
2. Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. 30 с.
3. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000. 141 с.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 43 с.
5. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. 271 с.
6. Красных В.В. Свой среди чужих: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
7. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.
8. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: «Перемена», 2001. 46 с.
9. Агаева С.Т. Концепт и его структура (на примере концепта «Образование») // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 149-151.
10. Британский новостной канал GBN. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gbnews.com/> (дата обращения: 03.01.2025).
11. Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/> (дата обращения: 06.01.2025).
12. Известия. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/> (дата обращения: 28.12.2024).
13. Московский комсомолец. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/> (дата обращения: 30.12.2024).

14. Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 30.12.2024).
15. The Guardian. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 06.01.2025).
16. The Mirror. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mirror.co.uk/> (дата обращения: 02.01.2025).
17. The New York Times. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения: 02.01.2025).
18. The Times. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.com/> (дата обращения: 02.01.2025).

References

1. Kubryakova E.S. Concept // A Brief dictionary of cognitive terms. M.: Publishing House of Moscow State University, 1996. P. 90-93.
2. Popova Z.D. The term "concept" in linguistic studies / Z.D. Popova, I.A. Sternin. Voronezh: Publishing House of Voronezh State University, 2000. 30 p.
3. Slyshkin G.G. Lingvocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse. M., 2000. 141 p.
4. Stepanov Yu.S. Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience. M.: Publishing House of School "Languages of Russian Culture", 1997. 43 p.
5. Karasik V.I. On the Categories of Linguocultural Studies // Language Personality: Problems of Communicative Activity. Volgograd: Publishing House of Peremena, 2001. 271 p.
6. Krasnykh V.V. Welcomed Among Strangers: Myth or Reality? M.: Publishing House of Gnosis, 2003. 375 p.
7. Vezhbitskaya A. Semantic Universals and the Description of Languages. M.: Publishing House of Languages of Russian Culture, 1999. 776 p.
8. Krasavsky H.A. Emotional Concepts in German and Russian Linguistic Cultures. Volgograd: Publishing House of Peremena, 2001. 46 p.
9. Agaeva S.T. Concept and Its Structure (on the example of the Concept "Education") // Baltic Journal of the Humanities. 2020. Vol. 9. No. 1 (30). P. 149-151.
10. British news channel GBN. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gbnews.com/> (date of access: 03.01.2025).
11. Vedomosti. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/> (date of access: 06.01.2025).
12. Izvestia. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/> (date of access: 28.12.2024).
13. Moskovsky Komsomolets. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/> (date of access: 30.12.2024).
14. Rossiyskaya Gazeta. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (date of access: 30.12.2024).
15. The Guardian. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/international> (date of access: 06.01.2025).
16. The Mirror. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mirror.co.uk/> (date of access: 02.01.2025).
17. The New York Times. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/> (date of access: 02.01.2025).
18. The Times. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.com/> (date of access: 02.01.2025).

Информация об авторах

Чистюхина Евгения Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Постоечко Егор Васильевич, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Evgeniya A. Chistiukhina, candidate of philological sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. KlyuchKamyshenskoe plato, 6/2).

Egor V. Postoenko, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.06.2025; одобрена после рецензирования 12.06.2025; принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 04.06.2025; approved after reviewing 12.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 101.1:316 + 327.5

EDN: <https://elibrary.ru/OKMRMD>

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ «ИГРОКИ» ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

Прилукова Екатерина Григорьевна¹

Кадырова Шоиста Таваккаловна²

^{1, 2} Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

¹prilukova74@gmail.com, ²shoista.kadyrova@bk.ru

Аннотация. Современный мир, став глобальным и «прозрачным», остался хрупким и уязвимым, заговорив вновь о холодной войне. В повестке дня тема холодной войны – одна из обсуждаемых не только в научном и политическом сообществах, но и среди представителей индустрии массмедиа и рядовых граждан. Призрак холодной войны стал настолько реалистичным, что оказался на пороге дома жителей планеты. Война – сложное и многомерное явление в социальном бытии, она является одним из его феноменов. Война не всегда отчетливо видна (особенно когда используются техники и технологии «мягкой власти»), она пластична и текуча. Соответственно, меняется и ее восприятие. Вырвавшись из плена электронных экранов, война кажется интересной, увлекательной и притягательной игрой, но ее последствия слишком очевидны – она разделяет цельный мир на «своих» и «чужих», границы понимания которых слишком размыты. Сущность войны – принуждение. Анализ предыдущих форм войны, среди которых особое место занимает холодная, позволяет понять перспективы ее развития и пути недопущения. Привычно понимаемая холодная война как всего лишь идеологическое противоборство социализма и капитализма на самом деле была далека от сферы только собственно идеологии. Она породила реальные конфликты с реальным – физическим – театром военных действий на бою брани. Участниками этих сражений становились региональные политические акторы, действующие в фарватере своих великих держав. Реальность войны совершенно иная и нуждается в серьезном осмыслении.

Ключевые слова: регион, холодная война, конфронтация, державы, капиталистическая и социалистическая идеологии, локальные войны, военный конфликт.

Для цитирования: Прилукова Е.Г., Кадырова Ш.Т. Региональные «игроки» холодной войны: социально-философский аспект // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 2 (7). С. 71-77.

PHILOSOPHICAL SCIENCES

REGIONAL ACTORS IN THE COLD WAR: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ekaterina G. Prilukova¹, Shoista T. Kadyrova²

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after the general of the army I.K. Yakovleva of the troops of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
Nikolai.novikov.87@mail.ru

Abstract. The modern world, having become global and "transparent," remains fragile and vulnerable, once again raising the specter of a cold war. The topic of the cold war – has returned to the agenda and is actively discussed not only in academic and political circles but also among media professionals and ordinary citizens. The ghost of the cold war has become so tangible that it now stands at the doorstep of people around the globe. War is a complex and multifaceted phenomenon in social existence; it is one of its defining features. War is not always visible – especially when tools and technologies of "soft power" are employed – it is fluid and adaptable. Accordingly, the perception of war also changes. Escaping the confines of electronic screens, war may appear intriguing, captivating, and even entertaining, yet its consequences are all too real – it divides a once-whole world into "us" and "them," with boundaries that are increasingly blurred. The essence of war is coercion. Analyzing previous forms of war, particularly the cold war, allows us to understand its potential future developments and ways to prevent its recurrence. Commonly understood as merely an ideological confrontation between socialism and capitalism, the cold war was in fact far from being confined to the ideological realm alone. It gave rise to real conflicts with physical theaters of military action on actual battlefields. The participants in these battles were often regional political actors acting in the wake of their respective great powers. The reality of war is fundamentally different from its media portrayal and requires deep reflection.

Keywords: region, cold war, confrontation, powers, capitalist and socialist ideologies, local wars, military conflict.

For citation: Prilukova E.G., Kadyrova S.T. Regional actors in the cold war: a socio-philosophical analysis // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 2 (7). P. 71-77.

Введение

В первой четверти XXI в. феномен «холодная война» оказался одним из обсуждаемых не столько в научном сообществе, сколько среди политиков и представителей индустрии масс медиа [1]. Содержательно проблематика холодной войны, исследуемая преимущественно в политологическом, военном, историческом и правовом аспектах, осталась в прежнем звучании как противостояние Советского Союза и Соединенных Штатов по управлению конфликтом во имя сохранения мира [2]. Однако понятие утратило кавычки при написании и концепт приобретает новое звучание в условиях гео-

политической конфронтации настоящего времени. Сегодня даже появился термин «холодная война 2.0», когда в ускользающей гибридной реальности состояния мира и войны стали практически неразличимы [3, 4, 5]. Тем не менее война – это часть социальной реальности, фрагмент бытия мира и человека. Следовательно, она социально сконструирована и «спровоцирована» развитием и усложнением деятельности человека в различных контекстах бытия человека в мире.

Традиционно представление о холодной войне базируется на противоборстве СССР и США по линии дихотомии социализм –

капитализм. Однако такое понимание довольно упрощенное, ибо холодная война значительно сложнее, чем собственно идеологическое столкновение. Хотя бесспорно, что «интерпретация холодной войны до сих пор испытывает на себе огромное влияние идеологии» [6, с. 333]. По своей сути, это был формат взаимодействия государств и их союзов как стремление достигнуть компромиссов, стабильности и предсказуемости международных отношений.

Несмотря на привычное понимание холодной войны как противостояния СССР и США, в ней так или иначе просматривались и другие участники в лице регионов, оказывающих серьезное влияние на картину миропорядка. Конфликт между блоками капиталистических и социалистических стран охватывал все уголки мира, где малые и средние государства становились важными акторами в международной игре. Эти страны, зачастую не имеющие собственных мощных экономик и/или армий, становились ареной для идеологической борьбы, политического маневрирования и даже вооруженных конфликтов, в которых великие державы использовали их для достижения своих стратегических целей. Если в рамках традиционной метафизики, война – пересоздание/пересборка миропорядка, то в реальности настоящего времени война обретает новые смыслы, поскольку «в эпоху исключительного властвования власти, то есть массивного напора на сущее для его использования до израсходования, мир становится немиром, поскольку Бытие хотя и пребывает, но как таковое не правит в своей области. <...> По ту сторону войны и мира – пустое блуждание, израсходование сущего для самообеспечения упорядочивающего устраивания от пустоты бытийной оставленности. «Война» и «мир», видоизменившиеся до утраты своей сути, втянуты в общее блуждание и, нераспознаваемые из-за отсутствия Различия, растворились в пустом процессе нарастающего манипулирования всем, чем можно манипулировать» [7, с. 261]. Кроме того, осмысление холод-

ной войны требует учета изменений типов научной рациональности. Поэтому обращение к региональным акторам позволяет более полно осмысливать само содержание холодной войны и понимать действия ее основных участников, порождающих сохранение стабильного миропорядка и поведение стран на международной арене [8, 9]. Цель нашего рассмотрения – позиции региональных игроков в поисках приемлемого для себя варианта мира, что дает основания их действия в холодной войне рассматривать как рационализированные и просчитанные и тем самым позволяет выявить измерение ее (холодной войны) с позиций социальной философии [10].

Материалы и методы

Исследования определяются методологическими рамками синтеза интеллектуального капитала классического и постклассического периодов развития философского знания. Исследование опирается на положения антропологического, деятельностного, системного, исторического, социокультурного, феноменологического и герменевтического подходов. В исследовании используются методы наблюдения (включая как политологическое, так и социологическое), абстрагирования и идеализации, прогнозирования и моделирования, анализ и синтез, связь с практикой. Реализуется принцип документализма. В работе осуществлен комплексный подход к исследованию темы, позволяющий утверждать, что холодная война, приобретая символический характер, представляет собой форму не простого противостояния, а принуждения.

Результаты исследования

В различных регионах мира, таких как Латинская Америка, Африка, Ближний Восток и Юго-Восточная Азия, происходили события, в которых местные правительства, движения и вооруженные группы становились важными субъектами международной политики. Например, в Латинской Америке, где США активно вмешивались в дела стран, поддерживая антикоммунистические режимы, или в Африке, где СССР оказывал

поддержку революционным движениям, стремившимся к освобождению от колониального господства. На Ближнем Востоке, с его геополитической важностью и стратегическими ресурсами, также наблюдались интенсивные противостояния, в которых страны, такие как Иран и Израиль, становились ключевыми игроками в контексте противостояния между сверхдержавами.

Местные политические, военные и революционные группы, такие как кубинские повстанцы или Вьетконг в Юго-Восточной Азии, порой имели возможность оказывать самостоятельное влияние на ход международных событий. В таких случаях их действия и выбор часто определялись не только внутренними интересами, но и ожиданиями внешних сил, что, в свою очередь, приводило к эскалации локальных конфликтов до глобальных масштабов. В то же время такие государства, как Индия, Китай или Пакистан, становились не только объектами, но и субъектами международной политики, активно преследуя свои интересы в условиях глобальной конкуренции.

Региональные игроки холодной войны действовали как в качестве союзников, так и противников великих держав, выступая независимыми акторами на международной арене. Их стратегические решения и действия существенно влияли на ход войны, становясь катализаторами конфликтов и геополитических изменений. Региональные игроки нередко оказывались в центре важнейших мировых событий, а их участие в холодной войне подтверждает, что в этом глобальном противостоянии была задействована не только дуальная система двух супердержав, но и целый ряд независимых акторов, имеющих свои собственные интересы и амбиции.

Арабские конфликты, охватывающие более полувека истории, оказали значительное влияние на глобальную геополитику, политическую картину Северной Африки и Ближнего Востока, а также на международные отношения. В целом Ближний Восток выглядел конфликтогенным, так как «паде-

ние колониальных империй вместе с их политико-территориальной инженерией неизбежно» требовало новой архитектуры государственного построения, что порождало «череду войн, революций и государственных переворотов. Разрастание холодной войны приводило к усугублению региональных противоречий, которые стали более подвержены вмешательству США или СССР» [11, с. 5-7].

Эти конфликты, начиная с арабо-израильской войны 1948 г. и заканчивая многолетними гражданскими войнами в Сирии и Ливии, не только перераспределяли внутреннюю власть в арабских странах, но и вовлекали в их разрешение внешние силы, создавая новые угрозы и возможности для мировых игроков. Последствия этих войн и конфликтов остаются актуальными до сих пор, формируя международные альянсы, миграционные потоки и обострение глобальных политических, экономических, социальных и культурных проблем.

Одним из самых значительных и долгосрочных конфликтов в арабском мире следует назвать арабо-израильский, начавшийся с первого арабо-израильского столкновения в 1948 г. конфликт, обусловленный территориальными претензиями и религиозными противоречиями, продолжал оставаться центральной проблемой Ближнего Востока. После нескольких войн (1948, 1956, 1967, 1973) и множества попыток мирных соглашений, таких как Соглашения Осло и Кэмп-Дэвид, арабские страны так и не смогли прийти к окончательному миру с Израилем.

Арабские конфликты оказали значительное влияние на международные отношения и баланс сил в глобальной геополитике современности. Во-первых, они стали источником миграционных потоков в Европу и другие регионы мира. Миллионы беженцев и перемещенных лиц, особенно из Сирии, Ливии и Йемена, стали частью крупнейшего гуманитарного кризиса XXI в., создав новые вызовы для европейских стран, усиливая политические противоречия по вопросам миграции и интеграции. Во-вторых,

эти конфликты явились важным фактором, влияющим на глобальную безопасность. Конфликты, такие как война в Сирии, стали катализаторами для роста террористической активности и распространения экстремизма по всему миру. ИГИЛ и другие группировки, использующие территорию этих стран, стали угрозой не только для соседних государств, но и для глобальной международной безопасности, что потребовало объединения международных антитеррористических усилий и даже военных операций. Войны в арабском мире приводили к изменению стратегического положения великих держав. Разночтения в понимании идей социализма/капитализма политическими лидерами великих держав и арабских государств давали надежды одним и разочарования другим в решении своих вопросов. Яркий пример тому – события конца 50-х годов прошлого столетия [12]. Да и сегодня арабские конфликты демонстрируют, насколько важно учитывать региональные особенности и интересы при разработке концепций и стратегий внешней политики.

Следует назвать еще один регион, оказывающий влияние и на текущее развитие миропорядка – корейский полуостров, разделивший один народ на два государства с различными системами экономики и идеологии, и сложностью перспектив диалога. Созданная 15 августа 1948 г. Республика Корея с Конституцией, столицей в Сеуле и правительством во главе с первым Президентом Ли Сын Маном становилась плацдармом США на Дальнем Востоке, Северная Корея во главе с Ким Ир Сенем, столицей в Пхеньяне и Конституцией под-

держивалась СССР. Обе страны вооружались и готовились к войне, которая не заставила себя долго ждать. Корейская война 1950-1953 гг. втянула в свои события правительства 20 стран, отчетливо манифестируя противостояние мировых держав: СССР, США, Китая и Японии [13, с. 94]. Даже сегодня отношения между двумя Кореями нет оснований называть гармоничными. Биполярный мир четко закреплял основных соперников – СССР и США – и определял их союзников. Вместе с тем биполярная система оказывалась вынужденной признать значение Азиатско-Тихоокеанского региона и понимать, что военными инструментами разрешение противоречий малоэффективно [14, 15, 16].

Заключение

Безусловно, роли СССР, США и регионов в мировой политике были несопоставимы. Великие державы оказывали значительное влияние на регионы. Однако это влияние не всегда приносило им желаемые результаты, да и не давало оснований быть полностью уверенными в силе своего контроля над ними. Более того, державные – идеологические – противоречия выступали в ряде случаев катализаторами локальных региональных конфликтов, отголоски которых отчетливо видны и сегодня. Холодная война – довольно сложный феномен и требует философского осмысления, поскольку ее горизонт, как и горизонт любой войны, – разрушение. Отчасти отвлекаясь от изложения сухой хронологической фактологичности событий холодной войны, можно попытаться этот горизонт расширить, противопоставив ему диалог и уважение человека.

Список источников

1. Александрова И.Б. Медианарратив о войне // Медиалингвистика. 2018. Т. 5. № 1. С. 21-33.
2. Ильинский И.М. Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. 305 с.
3. Калинин Р.Р. Корейский полуостров как очаг напряженности «холодной войны 2.0» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 4. С. 48-76.

4. Подлесный П.Т. Холодная война 2.0. и политика сдерживания России // Россия и Америка в XXI веке. 2018. № 3. С. 10.
5. Rid T., Hecker M. War 2.0: Irregular Warfare in the information. Age. Westport, CT: Praeger Security International, 2009. 280 p.
6. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2005. 536 с.
7. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие. СПб.: Наука, 2007. С. 245-265.
8. Антошин А.В. Международные процессы на Ближнем и Среднем Востоке середины 1940-х – середины 1960-х гг. в оценках современников-русских эмигрантов // История и современное мировоззрение. 2023. Т. 5. № 3. С. 114-119.
9. Гофман А.В. Специфика Ближнего Востока как подсистемы международных отношений в конце холодной войны // *Via in tempore*. История. Политология. 2022. № 49 (3). С. 586-594.
10. Гулевский А.Н., Гулевская Н.А., Доронин Ю.П. Об основаниях войны в социальном бытии // *Философия права*. 2018. № 3 (86). С. 69-76.
11. Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Ближний Восток в поисках утраченного возрождения // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2021. Март. 31 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/37217/> (дата обращения: 10.04.2025).
12. Беляков В.В. Хрущев и Насер. Из истории советско-египетских отношений. Документы и материалы. 1958-1964. СПб.: Алетейя, 2017. 203 с.
13. Дунаева Ю.Г., Славный О.М. Конфликт на Корейском полуострове 1950-1953 гг. в контексте холодной войны между сверхдержавами // *Актуальные проблемы экономики и управления*. 2022. № 2. С. 92-103.
14. Рогоза С.Л., Ачкасов Н.Б. Засекреченные войны. 1950-2000 гг. СПб.: Полигон, 2003. 560 с.
15. Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 260 с.
16. Соловьев А.В. Философия войны: единство в многообразии // *Философские науки*. 2020. Т. 63. № 1. С. 20-39.

References

1. Aleksandrova I.B. Medianarrative about war. *Medialinguistics*, 2018, Vol. 5. No. 1. P. 21-33.
2. Ilinsky I.M. Between the Future and the Past: Social Philosophy of the Present. M.: Humanitarian university publishing, 2006, 305 p.
3. Kalinin R.R. Korean Peninsula as a Hotspot of “Cold War 2.0”. *Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics*, 2022, Vol. 14, No. 4. P. 48-76.
4. Podlesny P.T. Cold War 2.0 and the Policy of Containment of Russia. *Russia and America in the 21st Century*, 2018. No. 3. P. 10.
5. Rid T., Hecker M. War 2.0: Irregular Warfare in the Information Age. Westport, CT: Praeger Security International, 2009. 280 p.
6. Narochnitskaya N.A. Russia and Russians in World History. M.: International Relations, 2005, 536 p.
7. Heidegger M. Overcoming Metaphysics. In: Heidegger M. Time and Being. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 245-265.
8. Antoshin A.V. International Processes in the Middle East (1940-1960) in the Views of Contemporary Russian Emigrants. *History and Modern Worldview*, 2023, Vol. 5. No. 3. P. 114-119.

9. Gofman A.V. The Middle East as a Subsystem of International Relations at the End of the Cold War. *Via in tempore. History. Political Science*, 2022, No. 49 (3). P. 586-594.
10. Gulevsky A.N., Gulevskaya N.A., Doronin Yu.P. On the Foundations of War in Social Being. *Philosophy of Law*, 2018, No. 3 (86). P. 69-76.
11. Naumkin V.V., Kuznetsov V.A. The Middle East in Search of a Lost Renaissance. Report of the Valdai Discussion Club, March 2021, 31 p. [Electronic resource]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/37217/> (date of access: 10.04.2025).
12. Belyakov V.V. Khrushchev and Nasser. From the History of Soviet-Egyptian Relations. Documents and Materials. 1958-1964. St. Petersburg: Aleteya, 2017, 203 p.
13. Dunaeva Yu.G., Slavniy O.M. The Korean War (1950-1953) in the Context of the Cold War Between Superpowers. *Current Problems of Economics and Management*, 2022, No. 2. P. 92-103.
14. Rogoza S.L., Achkasov N.B. Secret Wars. 1950-2000. St. Petersburg: Polygon, 2003, 560 p.
15. Torkunov A.V., Denisov V.I., Li Vl.F. The Korean Peninsula: Metamorphoses of Postwar History. M.: OLMA Media Group, 2008. 260 p.
16. Solovyov A.V. Philosophy of War: Unity in Diversity. *Philosophical Sciences*, 2020. Vol. 63. No. 1. P. 20-39.

Информация об авторах

Прилукова Екатерина Григорьевна, доктор философских наук, профессор, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет (454080, Челябинск, пр. Ленина, 76/434).

Кадырова Шоиста Таваккаловна, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет (454080, Челябинск, пр. Ленина, 76/169).

Information about the authors

Ekaterina G. Prilukova, doctor of philosophy science, professor department of philosophy; South Ural state university (national research university) (454080, Chelyabinsk, Lenina Avenue, 76/434).

Shoista T. Kadyrova, South Ural state university (national research university) (454080, Chelyabinsk, Lenina Avenue, 76/169).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.04.2025; одобрена после рецензирования 09.05.2025; принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 15.04.2025; approved after reviewing 09.05.2025; accepted for publication 27.06.2025.

О ЖУРНАЛЕ

Научный журнал «Сибирский социально-гуманитарный журнал» является рецензируемым электронным сетевым изданием, основанным в 2023 году. Периодичность издания – 4 раза в год.

Издательство: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации».

Цель научного журнала – публикация актуальных для обсуждения в научном сообществе научно-исследовательских работ, имеющих теоретическую и практическую значимость для повышения качества военного образования.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи, а также аналитические материалы, научные сообщения, научно-информационные материалы на русском языке по следующим специальностям: психологические, филологические, философские науки.

КОНТАКТЫ

Юридический (почтовый) адрес:

630114, г. Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2

E-mail: nvi-svny@mail.ru

Телефон: (383) 338-08-29 (доб. 43-86)

Ответственный секретарь – Колухамбеков Алексей Садович

Режим (график) работы:

пн-пт: с 9.00 до 18.00

сб: с 9.00 до 13.00

вс: выходной

Научный журнал

СИБИРСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор: **Колухамбеков** Алексей Садович
Компьютерная верстка: **Назырова** Валентина Владимировна
Корректоры: **Филиппова** Ольга Алексеевна, **Маматова** Мария Александровна